

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ САХАРОВ ВОЛЬНЫЙ ДОН

Василий Иванович Сахаров

Вольный Дон

Серия «Булавинская альтернатива», книга 2

*Текст предоставлен издательством
Вольный Дон:*

Аннотация

Удачное восстание донских казаков, запорожцев, малороссов и астраханских стрельцов, откололо от Российской империи несколько регионов. Для кого-то это радость, для кого-то беда, новые перспективы и проблемы. Под руководством молодого императора Алексея Петровича Романова Российская империя сокращает армию, проводит реформы и расширяется в Сибирь. А донские казаки из-за конфликта в Каспийском море ввязываются в войну с Персией.

Древнее государство персов в сложном положении. Восстание афганцев и борьба с арабами отвлекают их силы от Каспийского региона. Поэтому казаки и астраханцы, заключив договор о дружбе с горцами Северного Кавказа, одерживают одну победу за другой. А попутно казаки помогают малороссам и гетману Мазепе отбиться от нападков поляков.

Главный Герой, человек из будущего, который оказался в теле Никифора Булавина, формирует собственную ватагу и нападает

на персидские города. Никифор оказался удачливым вождем. Его походы приносят ему славу и прибыль. Он продолжает помогать войсковому атаману, своему отцу, участвует в реформах, держит связь с российским императором Алексеем Петровичем, вносит в жизнь народов небольшие изменения и строит крепость на границе Войска Донского с кубанскими кочевниками. Так же он женится и обрастает связями. Такова его жизнь и он ею доволен.

Содержание

1	5
2	14
3	29
4	48
5	56
6	67
7	85
8	103
9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Василий Иванович Сахаров

Вольный Дон

1

Россия. Москва. 22.05.1709.

– Фьюить-фить! Фьюить-фить!

Спрятавшаяся среди зелени цветущего монастырского сада неведомая певчая птица приветствовала весну. И она так увлеклась этим занятием, что не обращала никакого внимания на двух мужчин, которые стояли под высоким плодовым деревом, и вслушивались в ее песню. Люди, если судить по одеждам, священнослужители православной церкви немало-го ранга, в молчании, подняв головы, стояли без движения несколько минут. И только когда крылатая певунья замолчала, они неспешно пошли по ровной дорожке вглубь сада и завели между собой разговор.

– Хорошо здесь у вас. Благостно.

Умиротворенно сказал первый, седой подтянутый старец, по выправке, несмотря на подрясник, более напоминавший отставного военного, чем священника. Это был архиепископ Воронежский и Елецкий Арсений, выходец из древней дворянской семьи Костюриных, весьма уважаемый среди пра-

вославных священнослужителей человек и любимец покойного императора Всероссийского Петра Алексеевича Романова.

– Что благостно, это да. – Согласился с Арсением второй мужчина, широкоплечий и крепкий сорокапятилетний настоятель Московского Свято-Даниловского мужского монастыря архимандрит Пафнутий. – Однако монастырь сей вам не чужой, и я знаю, что вы немало лет провели за этими стенами.

Пафнутий кивнул в сторону белокаменных крепостных стен, которые ограждали основанный четыреста лет назад князем Даниилом Александровичем монастырь, и Арсений согласился:

– Это так. Пятнадцать лет я был Воином Господа нашего и, думаю, что именно по этой причине, вы хотели со мной встретиться. Я прав?

– Да, отец Арсений, причина названа верно. Как настоятель сей святой обители я занимаюсь подготовкой молодых инквизиторов для Московской епархии и по поручению Священного Синода борюсь с ересиархами, сатанистами, магиеями, богумилами, жидовствующими еретиками, беспоповцами, волхвами и людьми Старой Крови. Служба эта не из легких, но мы честно несем свой крест во имя спасителя всего рода человеческого. Однако не всегда и все нам понятно. Истоки многих событий скрыты под спудом прошедших лет, а архивы не дают всей ясности и мы вынуждены

прибегать к помощи таких умудренных жизнью людей, как вы. Сейчас нас более всего беспокоит Дон и восстание Кондрашки Булавина, который приютил у себя еретиков и колдунов. И когда я стал поднимать старые бумаги, то пришел к выводу, что этот бунт имеет давние корни и крепко связан с Разинским выступлением. Поэтому я попросил Новгородского архиепископа Питирима свести нас с вами.

– И что вы хотите узнать, отец Пафнутий?

Архиепископ и архимандрит остановились на крохотной площадке посреди сада и настоятель Свято-Даниловского монастыря сказал:

– Расскажите про дело Разина и его товарищей. Как вы понимаете, меня не интересуют обычные бунтовщики.

Пафнутий и Арсений присели на врытую в землю широкую лавку и более опытный инквизитор начал:

– Ну, что же, слушайте. Как вам известно, Степан Разин был одним из тех, в ком проснулась Старая Кровь, и воевал он не просто так, за свободу и волю. Этот атаман-характерник стремился ограничить нашу власть над паствой, и для этого собирал таких же людей, как и он сам, тех, кто обладал необычными и колдовскими способностями.

– Вы считаете этих колдунов людьми?

Настоятель монастыря посмотрел в блеклые старческие глаза Арсения, а он выдержал взгляд, усмехнулся, и ответил:

– Да, они люди. И хотя дьявол завладел их душами, они, как и мы, могут сопереживать, любить, ненавидеть, страдать,

кричать от боли и у них красная кровь.

– Порченная кровь...

– Порченная, – согласился Арсений, и продолжил: – Итак, восстание Разина, благодаря предательству атамана Яковлева, было подавлено. Царские бояре и князья отлавливали рядовых бунтовщиков, а нас, двадцать монахов из разных монастырей, направили искать переметнувшихся на сторону Стеньки колдунов и священников. Первой при помощи царских войск после боя в городе Темникове взяли старицу Алену, за которой давно присматривали люди митрополита Новгородского Филарета. Сломать ее пытками не получилось, но мы использовали эту ведунью как наживку, и когда ее попытались освободить, нам удалось поймать и обезвредить еще нескольких химородников. Надо признать, что это был неопытный и глупый молодняк. Колдовские способности у этих юнцов были развиты не очень хорошо, воинского мастерства никакого и сила воли слабенькая. Через них мы узнали о многих необычных людях, кто числился в ближниках Стеньки Разина, и после того как в деревянном срубе сожгли Алену, а потом уничтожили эту молодую поросль, продолжили свой святой поход. Прибыли в Астрахань и там схватили, так называемого Хранителя Знаний, Корнилу Семенова. С этого колдуна, прятавшего у себя дома древние книги и свитки, никакой полезной информации получено тоже не было. Силен оказался Семенов и даже когда горел на своих бесовских книгах, то и тогда ни слова не проронил.

Прищуриив глаза, Арсений прервался и посмотрел на солнце, было, о чем-то задумался, но его более молодой единомышленник поторопил старца:

– Но ведь на этом ваш поход не закончился?

– Конечно же, нет. Нам требовалось найти Ивана Лоскута, разинского писаря, который называет себя Трояном, а так же поселение, где находились семьи колдунов. И получив в подчинение полсотни верных казаков атамана Яковлева и полсотни драгун, мы отправились на Дон. Про все наши приключения рассказывать не стану, слишком это долгая история. Скажу только, что в Москву я вернулся через пять лет. Из всего инквизиторского отряда нас осталось только трое, и быть Воинами Господа мы больше не могли, здоровье не позволяло. Главное поселение врагов мы так и не отыскали, поиски были прекращены, и теперь потомки разинских соратников, которые подошли к делу более серьезно, чем их отцы и деды, вершат свое правосудие, как они его понимают.

Архиепископ Воронежский и Елецкий перекрестился, прошептал короткую молитву, и Пафнутий сказал:

– Сейчас, когда Лоскут с молодой дьявольской порослью химородников открылся и снова находится на Дону, нам необходимо собрать новый отряд, и я хотел бы попросить вас, отец Арсений, помочь мне убедить Синод в необходимости такого шага.

– Это будет очень трудно. Инквизиция раздроблена, а Синод погряз в интригах. Грядут выборы нового патриарха и

всем просто-напросто не до нас и наших дел. Я писал покойному императору Петру Алексеевичу и митрополиту Стефану Яворскому письма, в которых требовал предать Кондратия Булавина и всех его сподвижников анафеме. Но мои слова не были восприняты всерьез, а вскоре пал Воронеж и мне пришлось бегством спасаться из своей епархии. Лоскут и его воспитанники ничего не забыли. Они помнят, кто их родных в деревянных срубах сжигал. И хотя я смерти не боюсь, у меня еще много дел на этой грешной земле, которые необходимо совершить во славу Господа.

– Правильные слова, отец Арсений. Мы до конца станем бороться с колдунами и ведунами, которые на Дону закрепились, и хотя время упущено, ситуацию еще можно переломить в свою пользу. Пока церковь ограничивалась полумерами, отправкой на Сечь и к донским казакам проповедников, а надо направить против них воинов. Вскоре, по проекту, утвержденному еще прежним императором, будет создан Приказ Протоинквизиторских Дел. Эту организацию возглавлю я, и первым моим требованием к Синоду будет подчинение всех епархиальных провинциал-инквизиторов новому Приказу. И когда это случится, мы изведем остатки Старой Крови и уничтожим колдунов.

– Ха-ха-ха! – еле слышно засмеялся в бороду Арсений и, повернувшись к Пафнутию, пояснил: – Вы молоды и горячи, архимандрит. Вы думаете, что у вас все получится, и я буду молить Бога, чтобы он помог вам. Однако настоящих

инквизиторов очень мало. У вас в Даниловом монастыре из тридцати монахов только десять человек являются Воинами Господа. По бумагам, по всей Руси нас около полутора сотен, а на деле, вместе с вашими людьми, и двух десятков не наберется.

– Все настолько плохо?

– Да.

– В таком случае нам придется брать в помощь местных священников.

– Опомнитесь, Пафнутий. На Дону и раньше-то настоящих служителей церкви было очень мало и к ним никогда особо не прислушивались. А теперь, после того как булавинцы ограбили храмы, и всех, кто против них выступал, убили и в тюрьмы кинули, кроме Черкаска и Азова с Таганрогом, наших людей больше нигде не осталось.

– Но я слышал, что донские казаки открывают новые церкви...

– Все верно. Но там служат свои поганские ритуалы ересиархи раскольников, для которых мы с вами непримиримые враги.

– А если к правительству обратиться? Говорят, что новый император Алексей Второй очень набожный человек и прислушивается к голосу церкви.

– Император не станет нам помогать. Завтра он отправится на мирные переговоры с казаками. Ему не нужна война и он уже рассматривает южные земли как отрезанный ломоть.

По крайней мере, на ближайшие годы.

– Неужели, он примет условия бунтовщиков?

– Примет. Государство разорено войной и восстаниями, народ устал и по этой причине, пока Алексей не укрепится на троне и не решит внутренние проблемы России, на границах будет мир.

– И что в таком случае делать нам?

– Действовать старым проверенным способом, то есть исподволь. Терпение, вот одна из добродетелей христианства и пришел наш черед вспомнить об этом. Церковь станет посылать на Дон и в низовья Волги миссионеров, которые будут улыбаться атаманам и создавать свою разведывательную сеть на территории войска Донского. И пока все это происходит, мы тоже не должны оставаться в стороне. Нам предстоит набрать молодых монахов, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради торжества истинной веры, и в обход решений Синода отправить их в логово Врага. Время будет работать на нас, и когда настанет удобный для удара по колдунам и еретикам момент, мы нанесем его и колебаться не станем.

– Я понимаю вас, отец Арсений, и признаю, что для победы над нашими исконными противниками мы должны подготовиться лучше. Однако на Дон отправится не молодежь, а проверенные и хорошо подготовленные инквизиторы.

Пафнутий встал и Арсений последовал его примеру. Архиепископ и архимандрит вновь неспешно двинулись по садовым дорожкам, и в этот день успели обсудить еще очень

многое. А на следующее утро, вслед за большим южным посольством императора Всероссийского Алексея Второго, устремились шесть монахов-инквизиторов Свято-Даниловского монастыря. Все они были крепкими ловкими мужчинами до тридцати лет, и перед ними стояла одна и та же задача. Эти священнослужители русской православной церкви, ее элита, должны были достичь границ Дона и под видом беженцев поселиться на его берегах. Именно им предстояло стать основой разведывательной сети, которая должна поставлять будущему главе Приказа Протоинквизиторских Дел самую достоверную информацию о событиях в пределах казачьих земель и готовить их к возвращению в состав России.

Войско Донское. Черкасск. 29.05.1709.

Домой я добрался без особых проблем и происшествий. С обозом приказчика Мефодия до Тулы, а там украл лошадь и, чигирями, по распутице, рванул в расположение казачьих войск. Почти сутки мчался по бездорожью, ехал настолько быстро, насколько лошадь могла выдержать и, наконец, столкнулся с передовыми дозорами армии атамана Беловода. Казаки меня узнали, я в этом войске половину прошлого года провел и личность моя достаточно известная, разведчик Донской Тайной Канцелярии и сын войскового атамана Кондратия Булавина. Поэтому проверок мне никаких не устраивали и сразу отправили в Козлов, где находился штаб Третьей армии, а уже оттуда, меняя коней, в сопровождении парней из моего отряда, до Черкаска за четверо суток домчал.

Итак, я дома. Вхожу весь такой собой довольный и счастливый в войсковую избу, и первым меня встречает учитель и наставник полковник Лоскут, начальник разведки и контрразведки Войска Донского. И сразу же вопрос в лоб. Какого, спрашивается лешего, меня понесло в Преображенский дворец и зачем при устранении Петра Первого я использовал яд? Видимо, агентура полковника все-таки присматри-

вала за мной, и он уже получил информацию из Москвы о смерти императора и последовавших после этого событиях в столице России. Затем старый бунтарь и подпольщик сложил два плюс два, а потом, как и положено, получил четыре, и решил, что именно я исполнил «великого реформатора земли Русской». Пришлось изложить полковнику свою версию, и она была принята как истинная, что-что, а неправду Лоскут почуял бы сразу.

В общем, я подробно отчитался о своем путешествии в Москву и разговоре с царевичем Алексеем. Меня похвалили и отпустили на заслуженный отдых, который продлился целых три дня. И после этого до жаркой летней поры жизнь покатила по привычной колее.

Император Алексей известил Черкасск о своем намерении заключить мирное соглашение с Доном, Малороссией, Запорожской Сечью, Астраханью, Терекон и Яиком. Царские армии остановились на линии Орел – Тула – Пенза – Петровск – Саратов, а наши войска замерли напротив. Воевать никто не хотел, так что люди ждали долгожданного мира и если их не станут толкать в спину воинственными приказами, все должно сложиться хорошо. Главное в этом деле, чтобы политики договорились, а они были настроены решить все проблемы дипломатическим путем.

Россия приходит в себя после правления прежнего государя и ей сейчас не до войны, а Дон наращивает мускулы, разрабатывает природные ресурсы, строит новые поселения и

распахивает целинные степные земли, по этой причине тоже желает покоя. Идеальный расклад для казаков и беглых, приток которых, кстати сказать, сократился до полусотни человек в месяц. И здесь основная причина не в том, что солдаты и драгуны надежно перекрыли все дороги и тропы. Просто Алексей объявил всеобщую амнистию для скрывающихся в лесах беглецов, на которых не было крови. Люди ему поверили, на Руси принято верить в «доброго царя», национальная особенность такая, и стали возвращаться в свои деревни или выходить в большие города. Не все, конечно, многие еще выжидали. Однако дело ладилось, и резоны крестьян были ясны. Дон и воля далеко, а облегчение и заступничество государя рядом.

Ну, это то, что касается всех. А меня и ватажников в это время заботили совершенно иные вопросы, ибо наш небольшой вольный отряд из шести человек вместе со мной оставили в составе боевых подразделений Тайной Канцелярии. А что это значит? Правильно. Ранний утренний подъем и вперед по полям вокруг Черкаска круги нарезать, тяжелыми учебными саблями махать и заниматься рукопашным боем. Лоскут, в доме которого мы проживали, решил сделать из нас настоящих спецназовцев и, надо сказать, у его боевиков это получалось. Наш профессиональный уровень рос на глазах, и в то время, когда большинство наших сверстников, пока еще валяли дурака и пугливо озираясь на завалинках девок за титьки щупали, мы уже стали бывалыми воинами.

Хотя на интенсивности тренировок наш боевой опыт не сказывался. Для Василя Чермного и запорожских пластунов мы по-прежнему оставались сопляками, и гоняли нас словно новобранцев. И это хорошо, так и должно быть, спуску нам не давали и оттого воинскую науку мы постигали быстро.

Тренировки продолжалось весь апрель и почти весь май без выходных до сегодняшнего дня. Рано утром нас никто не будил и не гнал седлать лошадей. Мы проснулись сами, уже выработалась стойкая привычка, и узнали, что завтра, совместно с атаманским конвоем, нам предстоит сопроводить наших лидеров в Козлов. Грядут переговоры с русским императором, уже назначена дата, поэтому день у нас свободен, Чермный приказал привести в порядок нашу лучшую одежду и почистить оружие, а если останется свободное время, то и отдохнуть.

Никто из нас против этого не возражал, но так сложилось, что я со своими делами управился быстрее всех и отправился бродить по Черкасску. Думал с отцом или Лоскутом переговорить, но оба, по понятным причинам, были очень заняты. Навестил дом, а там мачеха Ульяна, как всегда ворчит и чем-то недовольна, а Галина пропадает у подруг. Андрей Мечетин позвал сестру замуж, и она согласилась, так что готовится к будущей свадьбе, которая должна состояться сразу после подписания мирного договора, то есть скоро. Попытался вернуться к своим записям с воспоминаниями о будущем, но все время чувствовал какое-то беспокойство, и ни-

как не мог сосредоточиться. В итоге оседлал своего Будина и отправился в степь. Долгое время гонял вдали от людей, и часам к пяти вечера сделал остановку у небольшой речушки, на берегу которой росло несколько раскидистых одиночных деревьев.

Поводьями, я привязал Будина к дереву и, чувствуя непонятную слабость, присел на землю и прислонился к стволу, после чего очень быстро заснул, и мне приснился очередной необычный сон, который был навеян памятью крови. Снова я видел далекое прошлое своих предков. Однако раньше я наблюдал за всем происходящим со стороны и принимал информацию рваными кусочками, которые, порой, никак не были связаны между собой, а в этот раз увидел полноценный сюжет с пониманием действий нескольких людей. Это вроде как кинофильм смотришь. Но все происходило живей, точнее и реалистичней, и я знал, что это событие не бред, а то, что на самом деле происходило в степях Кыпшактар, более тысячи лет назад, в 603-м году от Рождества Христова...

* * *

Вечерняя летняя степь, сотни костров, кибиток и юрт. Женщины и ребятя готовят еду, занимаются хозяйственными делами и ухаживают за скотиной. Обычный вечер в кочевой ставке хана Кара-Чурина Тюрка, прозванного византийцами Тарду, персами Бягу, проклятыми исконными врага-

ми китайцами Ашина Дяньцзюе, а своими подданными Боке-хан, что значит Могучий. Неполных четыре года Кара-Чурин пробыл великим степным каганом, и так сложилось, что он не смог удержать великое государство от развала. Построенная его предками, и оставшаяся ему в наследство от отца, славного Истеми-хана, держава, рушилась и разваливалась на части. Все было плохо, и времена славных побед ушли в прошлое. Война на просторах степи бушевала каждый год, и остановки в ней не предвиделось. Слишком много вокруг врагов, и слишком они сильны. На западе Византия, на юге Персия, на востоке Китай, и ладно бы так, враги внешние, но и внутри самого каганата было неспокойно.

«Плохой год, ай, плохой», – такие мысли вертелись в голове кагана, престарелого и седого, но все еще крепкого кряжистого мужчины.

В раздумьях, поджав под себя ноги, он сидел на белой войлочной кошке в центре своей юрты,пил кумыс, и пытался найти выход из сложившейся ситуации, но не находил его. Еще можно было на какое-то время оттянуть агонию огромного степного государства, но победить, нет.

Он вспомнил юность, когда совсем еще мальчишкой, пошел в свой первый поход на эфталитов. Сколько же времени с той поры прошло? Пятьдесят лет без малого. Потом была война против абаров в Джунгарии, которых он разбил, и с разрешения отца, великого Истеми, правил ими. Затем большой поход к реке Итиль, которую многие называют Волга.

Эх, славные годы были, и великие подвиги совершались воинами-бури под знаменем золотой волчьей головы. Тогда он был молод, силен, крепок и яростен в битвах, где уподоблялся предку-волку, но неразумен. Все минуло, ушло, и теперь его слава тает как дым над степными кострами.

Прошли годы, умер каган Истеми, и он, став ханом, возглавил всю западную часть каганата тюрок. Годы мира после смерти отца длились недолго и, почувствовав свою мощь, враги перешли в наступление. Первыми ударили византийцы, и он схватился с ними, но тут же нанесли свой удар китайцы и, пришлось, бросив все, отправляться на восток. Враги внешние никогда не пугали его, как и любого истинного воина из рода Волка. Но нашлись предатели среди своих, которые растаскивали каганат на куски, рвали его подобно шелудивым шакалам на части, ослабляли государство, и вот с ними-то пришлось повозиться. Десять лет он потратил на то, чтобы задавить всех других ханов, пошел на поклон к Суйскому императору, унижался, лгал, убивал тех, кто близок ему по крови, и все же победил.

Кара-Чурин стал каганом и, окинув оком свое государство, понял, что, победив, он проиграл. Воины, на которых он мог положиться в битвах, погибли. Молодняк еще не подрос, а без верной и грозной силы воинов-бури ему не выстоять. Так оно и случилось. В этом году вспыхнуло восстание давно покоренного племени телесцев, и они наголову разгромили верного ему Нили-хана. К ним присоединяются дру-

гие народы, и среди них сильные татабы. Границы открыты, иноземцы посылают восставшим помощь золотом, оружием и бойцами, и всех кто принадлежит к славному царскому роду Ашина, убивают. А даже если великий каганат выстоит, то никогда уже не станет прежним, а значит, он, Кара-Чурин Тюрк, потерпел поражение, и ничего не изменить, ибо смерть близка и ее осторожные шаги уже слышны ему.

– Кхм!

За кошмой, которая закрывала вход, прерывая размышления хана, раздался предупредительный звук, и Кара-Чурин, перестав пить кумыс, спросил:

– Кто там?

– Это я, повелитель. – В юрту просунулась голова командира гвардейцев джабгу Шету Ирбиса. – Прибыл гонец от горы Актаг.

Священная гора Актаг, ставка кагана всех тюрков, место, где решались наиболее важные вопросы в жизни степной империи, и до недавнего времени постоянное местопребывание Кара-Чурина. Каган взмахнул рукой, и устало произнес:

– Зови гонца.

В юрту вошел запыленный дальней дорогой гонец, средних лет скуластый бритоголовый мужчина в обычной степной одежде, стеганом халате с кожаным ремнем-опояской. Позади него встали два гвардейца, как на подбор, стройные и высокорослые, братья Иннай и Шибир, дальние родичи хана по клану. Гонец рухнул на войлок и начал:

– Великий хан Кара-Чурин Тюрк, я всего лишь голос курултая, и говорю не свои слова. Не вели меня казнить.

– Говори, – хан милостиво опустил голову. – Мы блюдем старые обычаи, которые наши предки некогда принесли в эти дикие степи.

– На горе Актаг прошел курултай, на котором было решено, что ты не настоящий каган. Тебе отказано во власти всеми присутствующими на курултае князьями, тарханами, вождями, ханами, шадями и этельберами. Новым каганом выбран вернувшийся из изгнания с сильным китайским войском Жангар. Для того чтобы покинуть владения кагана-та сроку тебе неделя, а иначе, смерть. Однако ты можешь остаться на месте, если отдашь на общее хранение представителей племен свои родовые реликвии и признаешь власть твоего родича Жангара, который будет править степью под покровительством великого китайского императора.

Гонец приник к войлоку и, не поднимая взгляда, ожидал своей участи и ответа. Как говорится, обычай обычаем, но за дурные вести, несмотря на обещание, Кара-Чурин мог запросто приказать своим гвардейцам переломить гонцу позвоночник. Однако хан только громко рассмеялся.

– Ты можешь идти, гонец, – успокоившись, произнес хан. – И передай предателю своего народа Жангару, что он не получит ничего. И еще скажи, что он недолго будет править, и смерть его будет страшна. Я знаю это, ибо вижу его судьбу.

Гонца увели и гвардейцы вышли, а хан снова задумался,

принял непростое для себя решение, поморщился и выкрикнул:

– Шету!

– Да, мой хан.

В юрту вновь проникла голова командира бури.

– Позови шамана Кубрата, моего сына Колюг-Сибира и сам приходи. Я оглашу мою волю.

– Повелитель, – Шету прижал ладонь правой руки к сердцу и поклонился. – Твой сын Колюг-Сибир покинул ставку.

– Давно?

– В полдень.

– Куда он направился?

– На Алтай, к племенам дулу, родственникам его матери.

Он желает собрать армию и разгромить Жангара.

– Дурак. Предателя разбить можно, а на троне усидеть, пожалуй, что и нет. Зови шамана.

Через некоторое время мудрый шаман Кубрат, совершенно седой сторбленный человек, про которого говорили, что ему более трех сотен лет, появился на зов своего хана и, ни слова не говоря, расположился напротив него. Рядом примостился Шету Ирбис. Больше никого не ждали и старый хан изрек:

– Я принял решение, что мне пора умереть.

– Кхе-кхе, – закашлялся шаман.

– Как же так!? – вскочил гвардеец. – Неужели хан говорит о самоубийстве?

– Молчать! – прикрикнул Кара-Чурин. – Самоубийства не будет. Я хочу, чтобы Кубрат провел обряд, после которого моя душа вселится в созданный им амулет. И так я обрету великую ведовскую силу, смогу жить вечно и помогать своим детям и внукам даже после смерти. Ведь ты сможешь провести такой обряд, Кубрат?

Хан посмотрел на шамана, а тот, прикрыв веки, подумал и сказал:

– Да, повелитель. Это возможно, но займет какое-то времени, а враги уже через неделю будут здесь. И даже когда амулет будет готов, ты сможешь вернуться в мир живых только через несколько десятков лет и единственное, что тебя сможет разбудить от сна, кровь твоего потомка.

– Шаман, что значит тридцать или сорок лет, по сравнению с вечностью? Это мгновение, а потомков у меня много, сорок душ от семнадцати жен и половина из них сыновья. Надеюсь, всегда найдется кто-то из внуков и правнуков, кто не пожалеет для деда немного своей крови.

– Что же, если твое решение, хан, окончательное, я готов. Только...

– Говори, что тебе нужно. Может быть золото, драгоценности, женщины или что-то иное?

– Родовые реликвии вашего рода, мой хан. Это сильные артефакты, с которых я возьму по крупинке металла. Затем кузнецы отольют из этого амулет, а уже я перенесу в него вашу душу и разум.

– Это возможно. Начинай, Кубрат.

Старый шаман покинул юрту, и в ней остались только хан и джабгу Шету Ирбис. Они молчали и первым тишину нарушил гвардеец:

– Зачем ты это делаешь, повелитель?

Хан отхлебнул кумыса и ответил:

– Мне осталось жить всего несколько месяцев. Ты знаешь, Шету, что я ведун. Сила предков живет во мне, в тебе и в других наших сородичах, и я знаю час своей смерти. Однако многое в жизни осталось не сделанным, а среди всех моих многочисленных детей я не вижу достойного преемника, которому могу передать свои знания и немалую силу.

Гвардеец мотнул головой, принял слова хана как данность, и спросил:

– Что нам делать после твоей смерти?

– Это будет не смерть, а переселение души и разума.

– Для меня это не важно. Все равно я не застаю твоего возвращения, мой хан. Поэтому я и спрашиваю, что нам делать дальше?

– Возьмешь амулет, родовые реликвии, моих самых молодых потомков, и уходи на запад. На Итиль, Дон, Кавказ или еще дальше, в страну антов. Туда, где живут наши дальние сородичи: геты, чиги, казягъ, азы и многие другие племена. Придет срок и мои праправнуки вернутся обратно в родные края, а пока мы не можем удержать все пространство Великой Степи, и не в состоянии воздать сторицей нашим врагам

и предателям своего племени.

— Я все сделаю, как ты приказал, повелитель.

Шету встал, поклонился хану, и покинул кибитку, а через три дня хан Кара-Чурин Тюрк скончался. При его смерти присутствовали только самые близкие ему люди, гвардейцы и шаманы. И как только тело великого хана было схоронено под высоким курганом, его кочевье рассыпалось на несколько частей. Одни направились к предателю Жангару, который стал новым каганом. Другие на Алтай, к собиравшему новое войско Колюг-Сибиру. А гвардия, три сотни тяжеловооруженных всадников, сверкая начищенными кольчугами, ламеллярными кирасами, остроконечными шлемами с бармицей, и красуясь палашами, мечами и саблями из черного железа, окружив кибитки с ханскими детьми и своими близкими, направились на запад.

Замыкал строй воинов их командир, у которого на груди висел украшенный лиственным узором черный металлический диск с фигуркой волка по центру с одной стороны и руной Одал с другой. Он медлил, долгое время смотрел на одинокий курган, где покоился его друг и повелитель, но, наконец, прикоснувшись к амулету, что-то прошептал и направил своего большого вороного жеребца вслед за гвардейцами. К месту последней стоянки Кара-Чурина подходили враги, их было много, и сталкиваться с ними в открытом бою было нельзя, и если так, значит, следовало поторопиться...

Сколько длилось видение через сон, я не знал, но не более получаса, так как бока Будина еще не полностью просохли после дневной скачки. Для меня прошел небольшой отрезок времени, а как будто целую жизнь прожил, пропустил через себя реакции и мысли двух человек, и узнал о том, как появился на свет тот самый странный амулет, который перебросил меня в прошлое.

И что теперь? Что значит этот сон? Пока объяснить не могу, но, скорее всего, это знак, что следует найти амулет с душой великого древнего хана, который, как выяснилось, является одним из моих многочисленных предков. Вот не было печали, а подкинула судьба очередной фортель. Мало того, что и без того забот полным-полно и планов на будущее громада, так нет же, еще и древний артефакт придется искать. Впрочем, все это не срочно. Вся жизнь впереди, так что особо заморачиваться не стоит, а надо возвращаться в Черкасск. Завтра в сторону Козлова отправляется наше посольство и мне придется обдумать разговор с Алексеем Вторым, который, наверняка, захочет пообщаться, а иначе зачем ему лично на мирные переговоры ехать, мог бы и Шафирова послать.

Запрыгнув на Будина, я встряхнул головой, на время прогнал все мысли о видениях, снах и амулетах, и помчался в

столицу Войска Донского.

Россия. Козлов. 15.06.1709.

Переговоры между Российской империей и отколовшимися от нее государственными образованиями прошли ровно и без всяческих эксцессов. С одной стороны стояла армия Шереметева, сорок тысяч прошедших Северную войну солдат, а с другой войска Кумшацкого, Мечетина и Беловода, тридцать пять тысяч казаков, бурлаков и голытьбы, тоже не новобранцы, а испытанные боями ветераны. И потому не было никаких провокаций, драк между членами посольств, буйных пьянок и недовольных выкриков. На нейтральной полосе, в чистом поле, под городом Козловым, поставили большой полотняный павильон. Спецслужбы Дона и России проверили его на предмет сюрпризов, а затем были выставлены караулы. От императорской армии рота преображенцев, а от наших войск сотня пластунов. И только после этого пришел черед дипломатов.

Со стороны России присутствовали Алексей Второй со свитой и ближними людьми, среди которых особо выделялся и играл первую скрипку профессиональный дипломат Петр Павлович Шафиров, выходец из семьи крещеных польских евреев и, наверное, от этого, очень продуманный и верткий по жизни человек. Все остальные стороны были представле-

ны следующими лицами. Дон – войсковой атаман Кондратий Булавин с личным секретарем, то есть со мной. Малороссия – полномочный посол гетмана Мазепы, его племянник Андрей Войнаровский. Запорожская Сечь – Константин Гордеенко и Лукьян Хохол. Терек – атаман Щедринской станции Никита Стрелков. Астраханская республика – глава Республиканского Совета бывший стрелецкий десятник Андрей Кадочников. Вольный Город Царицын – глава Городского Совета купец Семен Толстопятков. От яицких казаков – сотник Георгий Дмитриев.

Сегодня, ровно в восемь часов утра, большие серьезные мужчины собрались в павильоне и, будучи чрезвычайно занятыми людьми, приступили к немедленному оглашению условий мирного договора. Все было заранее урегулировано секретарями Шафирова, которые уже месяц сидели в Козлове, и недопонимания не возникло, каждый заранее знал, что от него ожидают. Затем последовало короткое обсуждение пунктов исторического соглашения и обед, а после него торжественное подписание чистового варианта договора.

Всего в этом документе одиннадцать основных пунктов и, если кратко, без дополнительных подпунктов, он выглядел следующим образом:

1. Прекращение всех боевых действий в трехдневный срок.

«Они и так уже третий месяц не велись, но перестрелки случались, особенно в районе Саратова».

2. Российская империя признает суверенитет и полную независимость следующих государств: Малороссии, Запорожской Сечи, Войска Донского, Войска Терского, Вольного Города Царицын и Астраханской республики. В дополнение к этому признавалась широкая автономия яицких казаков, в результате своего войскового схода решивших остаться в составе России.

«С одной стороны император Алексей терял огромные территории и большое количество подданных. Но ведь можно посмотреть на это иначе, и картина вырисовывалась совершенно другая. Россия ограждалась от запада и востока, от Европы, Турции и Персии щитом, на который не требовалось тратить войска и денежные средства. То, что в будущем войны обязательно будут – понятно. Вот только императора Всероссийского они касаться станут постольку поскольку, и отколовшиеся государства, хотя бы они того или нет, автоматически становятся боевым предпольем империи. А влиять на них можно, на тех же казаков, например, через поставки вооружения, пороха и продовольствия, а на Царицын и Астрахань через торговлю, религию и оказание военной помощи в случае угроз от мусульман. Это пока. Ну а потом, кто знает, возможно, они и сами обратно в Россию попросятся. И тогда уже император будет выдвигать условия».

3. Войска вышепоименованных государств покидают территорию Российской империи в течение одного месяца и оставляют все населенные пункты без ущерба для них.

«Москва получала назад Козлов, Липецк, Воронеж, Тавров, Тамбов, Саратов, Дмитриевск и Белгород, который мажепинцы отдавать не хотели, и на них пришлось надавить, пригрозив, что их оставят один на один против всей российской армии».

4. Мир заключается без аннексий, контрибуций и взаимных экономических претензий.

«Кто и чего наградил, тот с тем и остается, хотя московские кумпанства и многие императорские вельможи таким решением были недовольны. Однако возвращать заводы и мануфактуры, а так же «прихвализированные» казаками товары, мы не собирались, а продолжать войну Россия не могла. Точнее сказать, могла, но только с надрывом, который ей не нужен».

5. Воюющие стороны в течение месяца обмениваются военнопленными.

«В этот пункт не включались беглые крестьяне и раскольники, которые оставались с нами, а только солдаты, офицеры, чиновники, купцы и несколько арестованных священнослужителей».

6. После подписания мирного договора новообразованные государства обязуются не пропускать на свою территорию беглых людей из России, а если таковые обнаружатся, их необходимо незамедлительно выдать.

«С нашей стороны полнейшее согласие. Беглых людей на Дону скопилось вдвое больше чем казаков, и от старожил

уже слышались недовольные выкрики, что земля казацкая в первую очередь для казаков, и что понаехали тут всякие. Поэтому следовало переварить тех, кто уже находится на территории Войска Донского, а только потом думать о новых поселенцах. Что касается остальных государств, то они сами за себя ответчики».

7. Войско Донское возвращает Российской империи все корабли Азовского флота, а так же города Азов и Таганрог, и разрешает свободный транзит грузов и людей для этих имперских форпостов. Однако заранее оговаривалось, что общая численность личного состава в крепостях и на флоте не должна превышать три тысячи человек.

«Алексей Второй не мог отказаться от Азова, Таганрога и флота. По большому счету, они ему не нужны – это только расход сил и средств. Но престиж требовал оставить их за собой, и под нажимом приближенных император был вынужден за них побороться. Мы уступили и бояре восприняли это как знак, что царь неоспоримо сильнее казаков, раз может вынудить нас принять свое условие. Им гордость, а нам, в общем-то, все равно. Из Азовского моря флот не выберется, турки не дадут, и оттого он бесполезен, а Азов с Таганрогом всегда можно блокировать. И хотя имеется опасность удара в тыл, в связи с тем, что у нас почти везде потенциальные враги, это не очень существенно».

8. Вольный город Царицын и Астраханская республика разрешают российским купцам и промышленникам беспо-

шлинный и беспрепятственный провоз товаров и грузов по всей Волге и Каспийскому морю.

«Справедливо и устроило обе стороны».

9. На территории всех вновь образованных государств основной и доминирующей религией остается православие, и все нападки на христианство должны быть задушены в зародыше. Монахам и священникам проход через границы беспрепятственный.

«Все хорошо, вот только какого толка будет христианство, не уточнялось. Раскольники-староверы, что вновь прибывшие, что коренные донцы, ориентирующиеся на новгородские обряды и беспоповство, официально тоже православные. И если одни попы начнут бить других, а они уже начинают сражение за прихожан, мы здесь будем совершенно ни при чем. Как показала практика, большинству природных казаков все равно, тремя перстами человек крестится или двумя, поет он славу своему богу по старому или по новому, по какому Уставу ведет богослужение, и как называет Христа, Иисус или Иисус. Думаю, что и в будущем ничего не изменится. А если священники начнут поднимать голову, и попробуют давить на власть, всегда можно поступить по дедовским обычаям, монаха в мешок и в воду, хай плывет до самого синего моря».

10. Калмыцкая орда хана Чеменя официально признавала себя вассалом Войска Донского, и любые сношения России с Сальской степью должны осуществляться только через дон-

ского войскового атамана.

«Хана Аюки нет, а кому служить за порох, соль, одежду, серебро и долю в добыче, калмыкам все равно. Россия далеко, а донские казаки рядом и Сальские степи принадлежат нам. А раз так, хан Чемень со своими всадниками, кто после разгрома Аюки не ушел за Волгу, тоже за нас».

11. В случае большой войны и нападения иноверцев на одно из православных государств, подписывающих данное соглашение, все остальные обязаны оказать ему военную, политическую и экономическую поддержку.

«Данный пункт был последним и, наверное, для всех самым главным. Он включал в себя четыре десятка подпунктов, оговаривающих самые разные ситуации, но если смотреть по сути, в случае серьезной войны Россия получала возможность мягкой оккупации любого государства, которое от него отпало. Вариант, при котором сама Российская империя могла нуждаться в помощи, рассматривался как гипотетический и немыслимый, и очень даже зря. Я видел, как за счет новых людей и фабрик Богатого Ключа наше Войско быстро превращается в военно-промышленную республику. И если нас не остановят, а сделать это пока некому, всему миру не до нас, через пять-шесть лет мы сможем очень многое, и мое нелепое прогрессорство, о котором я поначалу много размышлял, никому и даром не нужно, ибо здесь и без Никифора Булавина все сладится. Есть у нас талантливые и умом пытливые люди, до всего сами в состоянии доду-

маться, если их не осаживать церковными догматами и приказом «Не пущать!». И, может быть, впереди планеты всей мы не будем, мощностей не хватит, но и в хвосте плестись не собираемся, и это касается всех сфер жизнедеятельности человека».

Итак, последний пункт мирного договора был подписан. Руки никто и никому жать не собирался, пирушки, праздника и фейерверков тоже не намечалось. Поэтому, обменявшись сухими поклонами, высокие договаривающиеся стороны вернулись к своим армиям.

Меня это не касалось. Во время переговоров мы с императором Всероссийским обменялись парой долгих взглядов, и сомнений, что Алексей меня узнал и хочет поговорить, не было. Оттягивать встречу один на один я смысла не видел, и потому пошел по самому легкому пути, то есть остался на месте переговоров, присел за покрытый богатой расписной скатертью стол, откинулся на спинку кресла, в котором до этого сидел император, и замер в ожидании.

Алексей не замедлил, появился через семь-восемь минут. Полог входа откинулся и в павильоне появился не тот чмыреныш, которого при дворе его отца Петра Первого мог пнуть любой высокопоставленный царский холуй, а уверенный в себе властный государь немалой по размерам империи. Будь я попроще, вскочил бы с места и встал по стойке «смирно». Но это только внешне мне шестнадцать лет, а на деле сил и опыта у меня в несколько раз больше, чем у де-

вятнадцатилетнего императора, который подошел к столу и замер без движения.

– Присаживайся, Алексей Петрович.

Чувствуя себя хозяином положения, я указал молодому императору на кресло, которое находилось напротив. Губы Алексея искривились в легкой усмешке, он присел и спросил:

– Хамишь, Никифор?

– Надо же с чего-то разговор начать, а ты молчишь.

– Нет привычки с колдунами разговаривать.

– С колдунами? – я сделал удивленное лицо.

– А разве нет? Прежде чем нам встретиться, я кое-что о тебе узнал.

– Наверное, составил описание, тайные агенты по списку просмотрели всех, кто должен участвовать в переговорах, а дальше Тайная Канцелярия и Сыскной Приказ отработали. Так?

– Подробности не знаю, дал команду Ромодановскому, а уже он разобрался, кто ты таков.

– Ну да, с тех пор, как Федор Юрьевич под себя всю госбезопасность подмял, работать ему проще и легче. И Преображенский Приказ под ним, и Сыскной, и Тайная Канцелярия. Силен стал князь-кесарь.

– Госбезопасность, это государственная безопасность?

– Да.

– Странное слово, но емкое и солидное.

– Можешь использовать, Алексей Петрович, мне не жалко, я таких слов еще много знаю. Однако, давай ближе к делу. Разговор мы начали. Кто я, ты теперь знаешь. Ну и мне про тебя немало известно. О чем ты хочешь поговорить, если конечно, тебе можно с ведуном общаться?

Император помедлил, костяшками худой, но твердой руки, легонько ударил по столу и произнес:

– С колдуном общаться грех, но я его отмолю. Меня интересует несколько вопросов. Ты на них ответишь?

– Разумеется, а иначе бы я здесь не находился.

– Скажи, Никифор, откуда ты узнал, что Ромодановский и Шереметев просчитались, и Меншиков их опередил?

– Колдовство. Летучие мыши нашептали, что скоро законному наследнику престола Российского худо придется.

– Врешь?

Алексей поймал мой взгляд, я с удовлетворением отметил, что дух у молодого императора крепок и, дождавшись, пока он первым отведет глаза, ответил:

– Вру. Агентура у нас хорошая, как среди слуг, которые вельмож обслуживают, так и во дворцах царских. Давай следующий вопрос, а эту тему отставим в сторону как несущественную.

– Ладно. Тогда, может быть, ты скажешь, откуда про Евфросинью Фролову узнал?

– Видение из будущего было, и это правда. А ты все же нашел свою половинку?

– Нашел, и ты оказался прав, Никифор. Это моя девушка, – Алексей помедлил, и продолжил расспросы: – Ты знал, что все так случится, и что я смогу власть взять?

– Зряшный вопрос. Когда мы с тобой в Коломенском разговаривали, я сказал, что все в твоих руках, так что сам смотри. Если бы ты промедлил, сейчас бы тебя черви или рыбы догрызали, а мне пришлось бы рубиться против русских солдат. Нет предопределения, а есть возможности, и твоя задача, как императора, выбрать для своего государства и народа самые наилучшие, не оглядываясь на интересы иноземцев, дворян и духовенства, симпатии которых очень недолговечны.

– Это да, – Алексей тяжело вздохнул. – Все чего-то хотят и многое обещают. Однако выполнять эти обещания никто не торопится. Теперь мне понятно, как нелегко было покойному батюшке. Особенно иностранцы наседают.

– Датчане с англичанами? Наверное, требуют возобновить войну против шведов, которые сейчас на германские берега высаживаются?

– Они самые, – император посмотрел на меня, вновь не выдержал взгляда и спросил: – Никифор, почему тебе хочется верить?

«То, что люди мне верят, это понятно, не даром я своим направлением выбрал Слово, мастерство понемногу растет, но Алексею этого знать не надо», – промелькнула у меня мысль.

– А это потому, что я не о себе беспокоюсь, и не о собственном благе, а про наши народы думаю, Алексей Петрович.

– И поэтому вы отделяетесь?

Мой собеседник еще больше погрузился и я его подстегнул:

– Вот и сделай так, чтобы нам самим под крыло империи вернуться захотелось. Сможешь ведь, если правильно себя поведешь. А что отделились, на это много причин было, и ты, Ваше Величество про них прекрасно знаешь. Не хотим мы быть рабами, не желаем этого, и пока на Руси крепостное право, нам всегда будет не по пути.

– Ты предлагаешь мне упразднить крепостничество?

– Да.

– Это невозможная утопия. Мы не Европа.

– В том-то и дело, что мы не Европа. Сейчас невозможно отменить рабство, понимаю это. Однако, что будет через десять лет твоего правления или через двадцать? Повторяю, все в наших руках и если ты поставил перед собой цель – иди так далеко, насколько духа и сил хватит.

– Смогу ли?

– Отчего нет? Ты наследник Петра, у тебя такой же ум и такая же кипучая энергия, но ты к народу жалостливей и нужды его больше понимаешь. И оттого ты совершенно иной, и сможешь сделать больше, чем твой батюшка.

– Никифор, а поехали со мной? Советником тебя сделаю,

и будешь ты при мне, как Брюс при батюшке. Не бойся, церковь тебя не тронет, я заступлюсь.

Ожидая ответа, Алексей подался чуть вперед, но я был вынужден его разочаровать:

– Нет, Алексей Петрович, не получится, и на это несколько причин. Во-первых, мой дом здесь. А во-вторых, пример с Брюсом неудачен. Он астролог и алхимик, а это хоть и грех для христиан, но допустимый. Так что если я окажусь в Москве, от инквизиторов меня даже твое монаршее слово не спасет. Кстати, Ваше Величество, а что ты с мятежниками сделал?

Император помедлил и сказал:

– Меншиков выдал все украденные деньги и отправлен на Соловки. Брюс сослан воеводой в Пустозерск на Печоре, и теперь на звезды вместе с самоедами смотреть станет. Екатерина ждет ребенка, а когда родит и оправится, сразу же отправится в монастырь, тот самый, где моя матушка находилась. Канцлера Головкина оштрафовал и на месте оставил. Дьяка Автонома Иванова лишил всего, что он имел, и в солдаты определил. Остальных изменников, кто помельче, в Соль-Камскую отправил и еще дальше. Пускай прощение зарабатывают. А так-то все воруют, даже Шафиров, который эти переговоры организовал, и Шереметев, и адмирал Головин. Кругом ворье. Однако других людей у меня нет, вот и приходится только особо зарвавшихся наказывать.

– Князя Матвея Петровича Гагарина забыл, бывшего мос-

ковского коменданта, а ныне воеводу сибирского.

– А он что натворил?

– Пока еще ничего, но вскоре начнет ясак от сибирских инородцев половинить и в торговые караваны на Китай свои товары добавлять.

– Сгною, подлеца! Совсем недавно его губернатором Сибирской земли назначили, а он уже о воровстве промышляет.

Государь-надежа ударил кулаком по столу, но буйствовать не стал, быстро успокоился и я заметил:

– Изменился ты, Алексей Петрович. Очень изменился.

– Не мудрено. Кругом такие люди, что чуть расслабься и съедят.

В это время за пологом зашуршало, и в павильоне появился еще один человек, широкоплечий приземистый крепыш, который посмотрел на меня словно на врага народа. Насколько я помнил, это дьяк Мухортов, начальник императорской охраны и верный человек князя Ромодановского.

– Государь, – Мухортов поклонился, – срочная депеша от генерала Репнина.

Мой собеседник обернулся и спросил дьяка:

– Что в ней?

– Ваше Величество, здесь посторонние.

– Этот посторонний побольше нас с тобой знает. Впрочем, – Алексей снова посмотрел на меня, – может быть, ты расскажешь, о чем пишет генерал?

Прикинув ситуацию, я ответил:

– Армия Репнина сейчас стоит в Полоцке и Могилеве, и раз депеша спешная, значит, она касается западной границы. Думаю, что Станислав Лещинский требует от Репнина покинуть территорию Речи Посполитой и желает получить деньги за пребывание русских войск на его территории.

– Мухортов, это так?

– Да, Ваше Величество, – с трудом, выдавил из себя дьяк.

– Выйди!

– Но...

– Мне повторить свое приказание!?

– Никак нет, государь.

Дьяк покинул нас, и молодой император спросил:

– Можешь что-то посоветовать?

– Могу, только ведь ты сам все видишь и верное решение уже принял.

– И все же, хотелось бы тебя услышать.

– Ладно, слушай. Армию Репнина отведи к Смоленску, а денег Лещинскому ни рубля не давай, перетопчется. Конечно, он станет войной грозиться и шведами тебя пугать. Только Карлу Двенадцатому не до него, и восемь тысяч солдат из корпуса Крассова, которые Лещинского охраняли, скорее всего, уже покидают Речь Посполитую и уходят в Померанию. А сам по себе король Станислав никто и звать его никак. Шляхта на войну против России не подпишется и страна разорена. Так что максимум неприятностей от ляхов – это набеги и провокации, но Репнин, если ему хвоста накрутить,

с этим разберется.

– Как у тебя все легко и красиво получается.

– А чего мне суесться? Окончательное решение все равно за тобой, так же как и ответственность.

– Верно. – Алексей встал и, кивнув в сторону своего лагеря, спросил: – Может быть, все-таки со мной?

– Нет, Ваше Величество, ты сам по себе, а я сам по себе. Но если тебе понадобится помощь, а я смогу помочь, ты знаешь, где меня найти.

Император Всероссийский протянул мне правую ладонь, и я ее пожал. Рукопожатие вышло по-мужски крепким, еще один явный признак того, что на Руси появился приличный государь. Затем, не говоря лишних слов, мы раскланялись и одновременно развернулись на выход. На ближайшее десятилетие у каждого свой жизненный путь, а пересекутся наши тропки или нет, того мне знать не дано.

Я вышел из павильона и полной грудью вдохнул свежий ветерок, который прилетел с верховьев Дона. Как там пелось в песне группы «Сектор Газа», которую любил слушать сосед Богданова? «Классно если, здоровый ты и сильный бугай, повалялся, погулял по травке, и бухай». Конечно, бухать у меня потребности нет. А вот насчет всего остального песня права – жизнь хороша и жить хорошо. Особенно если ты молод, здоров и горяч.

Тем временем началась уборка павильона. Охрана с обеих сторон стала покидать посты, и я обратил внимание, как

неслась служба у наших воинов и у русских гвардейцев. Как я уже говорил, на страже стояла рота преображенцев и сотня пластунов. Однако в самом начале царские офицеры были удивлены тем фактом, что рано утром возле павильона находилось всего пятьдесят человек вместе с пятью есаулами. Весь день они втихую посмеивались над этим, мол, казаки не могут сотню справных бойцов набрать, и потому выставили на стражу вполосину меньше воинов, чем изначально заявлено. Теперь же, когда переговорный процесс окончен и дело к вечеру, их улыбки исчезли, ибо оказалось, что вся пластунская сотня находилась на месте. Вот только на виду всего пятьдесят казаков, а другие пятьдесят стали появляться лишь в самом конце мероприятия.

Прозвучали команды есаулов и начали подниматься целые пласты дерна и травы, а затем из-под земли появились до зубов вооруженные пластуны, которые сутки просидели в засаде и никто не смог их обнаружить. Как говорится, на лицо две военные системы. Одна рассчитана на жесткую дисциплину, а другая на эффективность и сохранение жизни бойца. Преображенцы в парадной форме стоят на виду, надранные штыки на солнце сияют и богатырская грудь колесом – все как положено, идеальные мишени. А казаки все это время их на мушке держали и были готовы к тому, что придется придти на помощь своим атаманам. Вот так вот...

В Козлов я вернулся вместе с пластунами и застал в городке необычайную суету. Понятно, что армии готовятся к воз-

вращению домой. Следовательно, должны заниматься сбором имущества и комплектованием обозов. Но все равно, что-то было не так, и никто не мог сказать ничего конкретного. Люди знали, что все атаманы и представители независимых государств собрались на экстренный сход и это не к добру.

В общем, получить достоверную информацию можно было только непосредственно от должностных лиц, и вскоре я оказался в доме князя Воротынского, бывшего Козловского воеводы. Оставил Будина во дворе, прошел в терем и в большой горнице застал наших самых важных верховодов, которые о чем-то спорили.

Само собой, в разговор я вступать не стал, не по чину. Поэтому остался у дверей и спросил Василя Чермного, который находился здесь же:

– Василь, что случилось?

– В Астрахани беда. Город снарядил торговый караван к персам и направил его в Ардебильский домен. Добрались хорошо, остановились в портовом городке Астара, и торговля вроде бы пошла. А тут местный сатрап узнал, что Астрахань независимый город, на товары позарился и приказал все отобрать. Купцы и солдаты из охраны, ясное дело, в драку кинулись, и городским воякам сопротивление оказали. Первые пару приступов на порт и на склады отбили, но когда армия подошла, не сдюжили. Короче говоря, персы половину наших людей положили, почти сто семьдесят человек. Дру-

гая половина порт подождла и морем домой ушла. Это война.

«Вот тебе и независимость, — подумал я в тот момент. — Только из одной войны выбрались, как в другую влезли. Проще, конечно. Ведь персидские туфенгчи и гулямы, далеко не русская пехота и драгуны. Но тоже не в радость, так что драться все равно придется всерьез».

Россия. Москва. 30.06.1709.

В это утро, как обычно, молодой государь Российской империи Алексей Второй расположился в кабинете своего покойного батюшки в Преображенском дворце. И, глядя на заваленный бумагами стол, на некоторое время впал в ступор, поскольку не знал, за что взяться в первую очередь.

Отчеты. Доклады. Челобитные. Жалобы. Прожекты. Доносы. Письма. Стопки бумаг, каждая важна и требует его личного внимания или подписи с резолюцией, а он не может разорваться на части. Конечно, помощников хватает, «птенцы гнезда Петрова», в большинстве своем, все еще в строю. Однако на многих из них положиться нельзя, и пока им нет замены, только жесткий контроль со стороны императора даст гарантию того, что дело будет справлено именно так, как он приказал.

«Надо что-то менять», – подумал Алексей и вспомнил, как его батюшка планировал создать Сенат, который бы и взял на себя управление государством. Сделать этого он не успел, но прожект сохранился.

«Необходимо облегчить себе жизнь», – решил император и, зарывшись в кипы бумаг, вскоре обнаружил папку с черновым вариантом указа о власти и ответственности

Сената. Он просмотрел этот серьезный документ, который на десяти листах расписывал деятельность будущего управленческого аппарата, сделал несколько исправлений и пробежал глазами по списку будущих сенаторов. Девять человек: князь Петр Голицын, граф Мусин-Пушкин, Стрешнев, князь Михаил Долгорукий, генерал Самарин, Племянников, князь Григорий Волконский, Опухтин и Мельницкий. Обер-секретарем должен был стать Анисим Щукин. Кандидатуры вполне предсказуемые, влиятельные люди империи, не самые большие фигуры, а крепкие середнячки.

Перо опустилось в чернильницу, затем на мгновение замерло над бумагой, сделало быстрый росчерк, и размашистая роспись императора появилась под очередным указом. Отлично! Сегодня же секретари составят чистовой вариант, а уже завтра указ будет доведен до сведения всей дворянской верхушки Российской империи, как неоспоримая воля помазанника божьего.

Следующая важная бумага. Доходы государственной казны за 1708 год по губерниям. Всего в империи числилось восемь губерний: Московская, Санкт-Петербургская, Киевская, Смоленская, Архангельская, Казанская, Азовская и Сибирская. Новое территориальное разграничение империи было одним из последних указов прежнего государя, который был уверен, что он сможет вернуть под свою власть Малороссию, Дон и Поволжье. Однако не сложилось. Петр Алексеевич скоропостижно скончался и его дела принял

сын, который раньше никак не мог понять, куда уходят доходы такой огромной страны как Россия. Но теперь многое становилось на свои места.

Совокупный доход от губерний, несмотря на войну и воровство, составил три миллиона сто тысяч рублей. Армия съела миллион триста тысяч. Флот четыреста тысяч. Расходы на послов составили сто пятьдесят тысяч. На артиллерию и припасы израсходовано двести двадцать тысяч. Рекрутам тридцать тысяч. На производство оружия девяносто тысяч. Гарнизонам разных городов без малого миллион. Содержание двора и царские растраты (выкуп военнопленных, подарки иностранцам и своим дворянам, пожертвования духовенству и прочее) еще семьсот тысяч. В итоге расход составил три миллиона девятьсот тысяч рублей. Разница была покрыта за счет запасов казны, но как ни посмотри война со шведами и восстание на юге душили экономику государства. И теперь, когда в России относительное спокойствие, чтобы выйти из тяжелого положения необходимо предпринять ряд неотложных действий и оптимизировать затраты.

Первым делом следовало сократить армию. Двести тысяч солдат слишком много, на оборону границ и ста тысяч с избытком хватит. Тем более что имеются многочисленные вспомогательные войска из башкир, татар и других инородцев. Затем придется сократить расходы на послов – незачем подкупать европейцев и турок, если Россия от них почти отрезана. Далее флот. Азовский будет догнивать, хоть и жаль

его, но он бесполезен. А на Балтике требуется небольшая эскадра, так что расход на морское дело сократится как минимум вдвое. Затраты на рекрутов и гарнизоны тоже снизятся, а вот производство оружия, наоборот, будет увеличено. Ну и последняя статья – двор и царские расходы. Хочется или нет, а здесь тоже необходимо ужаться. Однако ненамного, ибо у императора Алексея, который запомнил слова ведуна Никифора Булавина, что необходимо продвигаться на восток, а не на запад, были большие планы, которые обязательно потребуют финансовых вливаний.

Долго Алексей Петрович думал над речами молодого казака и пришел к выводу, что он прав. Что запад? Все давным-давно поделено и много государств, которые по силе не уступают России, а порой и превосходят ее. Другое дело Сибирь, где проживает немало людей: кыргызы, татары, оройхоны, ненцы, тунгусы, эскимосы, эвенки, нганасаны, селькупы, кеты, долганы и так далее. Однако по технологическому развитию они от России отстают безнадежно и поэтому будут вынуждены стать ее данниками. И продвинуться вглубь племенных территорий не так уж и сложно, хотя для этого все же придется приложить немалые усилия. Сначала, как водится, будет проведена разведка дорог и описание диких народов – это работа для первопроходцев. А далее все по отработанной схеме: строительство крепких острожных городков и транспортных коммуникаций, появление солдат и священников, а за ними и переселенцы подоспеют.

– Ваше Величество, прибыл князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский.

В кабинете появился секретарь, капитан гвардии Филиппов, которого император приблизил к себе после поездки в Козлов.

– Хорошо.

Князь-кесарь приехал в Преображенский дворец как всегда без предупреждения и, пользуясь своей привилегией, направился на прием к государю без доклада. Алексей кивнул, отпустил секретаря, выпрямил спину и принял деловой вид. Прошло несколько секунд, и в его кабинете появился Ромодановский.

Начальника Преображенского Приказа немного покачивало, и было заметно, что он недавно выпивал. Однако на работоспособности Федора Юрьевича это почти никогда не сказывалось. Рассуждения его были здравыми, и лишнего он себе старался не позволять. Поэтому мог пить в любое время дня и ночи, и при покойном Петре Алексеевиче, и при ныне здравствующем Алексее Петровиче.

«Ужасный человек», – подумал император, кинув взгляд на Ромодановского. Внутренне Алексея передернуло. Но волнения он не показал, ибо уже привык к своему высокому положению, которое обязывало его быть сдержанным, и встретил князя-кесаря радушно:

– Здравствуй, Федор Юрьевич. С чем пожаловал?

– Здрав будь, государь, – князь слегка поклонился и, при-

сев за стол, доложился: — Окончил дело Меншикова.

— Наконец-то. Сколько всего у него изъято?

— Про деревеньки и людишек разговор уже был. А вот золото и серебро придерживали до подведения общего итога. Вышло четыре миллиона. Алексашка, подлец, хотел два миллиона рублей в Англию отправить, для начала, так сказать. Но не успел, вовремя мы его за жабры взяли.

— Это хорошо, что не успел. Деньги передашь в казну, мы со шведами расплатимся.

— Будет сделано.

— В Сибирь своих людей послал?

— Да. Ответ получим только через пару месяцев, но думаю, государь, что твой источник прав и князь Гагарин, наверняка, воровать станет. Кого думаешь на его место посадить?

— Пока не решил, и склоняюсь к тому, чтобы князя на месте оставить.

— Простишь злой умысел?

— Конфискую все, что он украдет, и приставлю к нему верных людей.

— Можно, но у меня лишних преображенцев нет.

— Вот и займись этим делом, расширь штаты и найди таких людей, которые были бы верны только Отечеству.

— Попробую. Но только где же их взять, верных и честных?

— Например, в войсках. До конца года армия будет сокращена вдвое, а это большое количество офицеров, которых придется пристроить к делу, так неужели сотню патриотов

не найдем.

– Верно, государь, и если прикажешь, так и сделаю. Но этим не мне надо заниматься, а твоим секретарям, и так, чтобы я про это поменьше знал.

– В таком случае, получается, что этим я выкажу тебе свое недоверие...

– Я не обижусь, – князь огладил свои тонкие черные усы и добавил: – Покойный Петр Алексеевич, царствие ему небесное, давно хотел по-настоящему тайную службу создать, но все время на потом откладывал. Вот, может быть, у тебя это получится. Нельзя все яйца в одну корзину складывать, и хотя я тебе верен, даже такому как мне, псу верному, не надо полностью доверяться. Для любого государя это закон.

– Благодарю за урок, Федор Юрьевич.

Князь-кесарь вскоре удалился, а император еще долго не мог вернуться к работе, поскольку мысли его постоянно перескакивали с одного на другое.

– Да, прав князь Федор, следует быть осторожней, и всех под присмотром держать.

Прошептав это, Алексей вздохнул и подтянул к себе слезливое письмо саксонского короля Августа, который призывал императора разорвать договор со шведами и ударить им в спину, тем самым, отвлекая Карла от его несчастного королевства.

«Шиш тебе, а не русских солдат! Сам первый с Карлом мир подписал, а теперь плачешься. Предатель!» – Подумал

Алексей и сосредоточился на другом письме. Дел все еще непомерно много, бумаг не убывало, и жалеть бедолагу Августа было некогда.

Войско Донское. Черкасск. 05.07.1709.

После подписания мирного договора с Россией казацкие армии вернулись на Дон и очень быстро самораспустились. Бывшие беглые крестьяне, бурлаки и рядовые казаки получили из войсковой казны расчет по денежному содержанию, и были таковы. Только вечером под Черкасском стояла крепкая армия в десять тысяч воинов, а утром от нее остается пять-шесть сотен, которые еще не навоевались, полковые знамена, некоторые командиры и сам командарм.

В итоге у войскового атамана Кондратия Булавина по окончании войны осталась только Первая армия Григория Банникова. Это десять пятисотенных конных полков, Первый Волжский стрелковый Павлова, две тысячи казаков из разных частей и соединений, а так же три отдельные сотни (атаманский конвой, сотня Судьи Чести Игната Некрасова и силовая разведка Донской Тайной Канцелярии). Слишком большая сила под рукой, которую в мирное время кормить тяжело, а распустить жалко, ибо заново ее собрать трудно. Значит, необходимо эту силу использовать и что для нас хорошо, враг имелся, ибо неделю назад всеобщий войсковой Круг постановил поддержать Астраханскую республику и объявить зарвавшимся персам войну.

Борьба за Каспий должна была случиться в любом случае, и пусть она произойдет сейчас, когда мы сильны, а Персия, наоборот, на ладан дышит, и вскоре совсем зачахнет. Почему Персия слаба? Резонный вопрос, на который я могу ответить, опираясь на знания Богданова и рассуждения умных людей, которые выступили перед казаками на Круге в Козлове.

В данный момент этим государством управляет бездарный и слабохарактерный шах Солтан Хусейн Первый, который ничего не решает сам, и полагается на духовенство и близкую родню. Всеми делами заправляют наместники провинций, мелкие ханы и муллы. И на 1709-й год Персия – это колосс на глиняных ногах, который пока еще стоит, но вскоре рухнет. Уже в этом году афганское племя Гильзаи сможет добиться для себя независимости, а через шесть лет выжжет треть этой империи, и после них только ленивый из соседей не постарается оторвать от Персии кусок. Теперь же, благодаря изменениям в истории, роль гильзаев возьмут на себя казаки и астраханцы. И когда настанет срок, наши полки пожелуют в гости к любителям пограбить заморских купцов. А что будет дальше, я уже сейчас как наяву вижу. Казачьи и астраханские морские флотилии атакуют прикаспийские персидские города от Дербента до Сари, и притянем мы домой столько хабара, что нам хватит на все, и на экономический рывок вперед, и на обустройство нашей жизни. Однако до начала боевых действий время пока имелось, не все еще

готово к войне. Астраханцы строят корабли и в дополнение к бывшему солдатскому полку Бернера, формируют еще один. А сбор всех, кто желает принять участие в походе, назначен только на середину августа месяца.

В связи с этим передо мной опять возник вопрос, а что, собственно, делать дальше? Вроде бы все ясно. Но жизнь идет своим чередом, одно событие следует за другим и приходится принимать новые решения. Каким путем пойти и чем заняться? Время в запасе есть, меня никто не подгонял и, откroив свободный денек, я заседлал верного жеребчика, выехал в степь и начал размышлять о своих дальнейших задачах.

Для начала надо в себе разобраться и свои возможности прикинуть. Первоначальная цель – изменение исторического процесса, будь он неладен, достигнута, и надо сказать, что моя заслуга в этом не очень велика. Теперь наступил долгожданный мир, и Войско Донское налаживает свою жизнь. И что я имею в активе?

Во-первых, родство с войсковым атаманом и многими старожилыми казаками – это само собой. Во-вторых, уважение некоторых донцов, бурлаков и запорожцев из войска Беловода, которые помнят меня по службе в Третьей армии. В-третьих, за мной пятеро подчиненных, каждый из которых, несмотря на свою молодость, по воинскому мастерству не уступит взрослому казачине. В-четвертых, я приписан к Донской Тайной Канцелярии, авторитет которой растет с

каждым днем. И в-пятых, у меня имеются таланты химородника.

Это основные плюсы. Но и в минуса многое записать можно.

Серьезных денег у меня, по-прежнему, как не было, так и нет. Возраст юношеский и всерьез меня принимают пока не все. Опять же к этому можно добавить, что от меня отдаляется отец. Вроде бы все как всегда, но я понимаю, что он хочет о чем-то со мной поговорить, и по какой-то причине не решается это сделать. Знаю, что ситуацию надо выводить из тупика, однако все так складывается, один к одному, что на это не находится времени. У бати должность такая, что он в суете, да и мне некогда, то война, то в Москву пробырался, а затем возвращался обратно, то подготовка к миру.

Ладно, плюсы и минусы прикинул и возвращаюсь к основной теме. Что делать дальше? Вопрос занятный, так как вариантов превеликое множество, но основных два.

Самый логичный ход – остаться в Черкассе и помогать отцу с Лоскутом в их делах. Попутно с этим хорошо бы наладить более плотные и тесные контакты с нашим промышленником и олигархом Ильей Григорьевичем Зерщиковым. Он все-таки нашел золото на реках Керчик и Бургуста, с тех пор сильно меня зауважал и пока железо горячо надо его ковать. Задвинуть Илье Григорьевичу несколько идей насчет изобретений, а уж он-то сразу сообразит, что к чему, и выгоду свою не упустит. Ну и помимо этого, рано или поздно, при-

дется съездить в Часов Яр и поискать амулет с душой древнего хана Кара-Чурина Тюрка. Зачем он мне, пока не знаю, но сны вещие просто так не снятся, а значит, древний артефакт все равно требуется найти.

Все это случится, если я останусь на месте, а это не факт, поскольку есть второй основной вариант.

Торговля и промышленность, дела, само собой, хорошие, и близость к войсковой избе многие дивиденды сулит. Но я нахожусь на казацкой земле и сам казак, а потому знаю, что на Дону воинская доблесть и удача всегда ценятся выше, чем способности управленца, по крайней мере, среди основного электората, который и выбирает атаманов. Вот и получается, что если мне и моим ватажникам сходить на Персию, то это хороший задел на будущее. В конце концов, не век же мне в подручных у Кондрата и Трояна ходить.

Два часа я гулял по степи и, не определившись, чем себя занять и к чему приложить силы, вернулся в Черкасск, который продолжал активно перестраиваться. Во дворе Лоскута почистил коня, поставил его под летний навес, и тут ко мне ватажники подходят, все пятеро. Я вижу, что намечается серьезный разговор и чую их напряжение. Парни волнуются, а я, уже понимая, что они хотят сказать, нет. Поэтому присаживаюсь на скошенную рано утром в лимане свежую траву, которую работники привезли для лошадей, и спрашиваю:

– О чем разговор будет, односумы?

Ватажники расселись полукругом, и вперед выступил

Иван Черкас. Он оглянулся на своих товарищей и сказал:

– Никифор, ты наш командир, и все решаешь сам, но есть вопрос и мы хотим получить на него ответ.

– Говори.

– Скоро казаки на Астрахань двинутся и нам надо знать, идем мы в поход или здесь остаемся?

Посмотрел я на парней и подумал, что наши мысли двинутся в одном направлении. Судя по выражению лиц, ватажники хотят сходить в Персию. И если я им скажу, что мы в поход не идем, они останутся со мной, и возражений не последует, но все равно будут думать о далеких сказочных странах, где текут молочные реки, а золото как булыжники под ногами валяется.

– Подвигов захотелось? – спросил я Черкаса. – Не навоевались еще?

– Так ведь одно дело с православными резаться, которые нам свои, а другое дело басурман бить.

Еще раз, оглядев ватажников, я принял окончательное решение и сказал:

– Тогда вот вам мое слово – идем на юг.

Парни заулыбались, и тут раздался голос отца, который неожиданно вышел из-за летнего навеса и появился рядом с нами:

– Куда это ты собрался!?

Тон, каким это было сказано, говорил о том, что батя в ярости, и я не понимал почему.

Вскочив с травы, я посмотрел на него. Кондрат стоял, чуть набычившись, лицо красное и гневное, а глаза спокойные. Так, чтобы никто не видел, он подмигнул мне и, посмотрев ему за спину, я увидел полковника Лоскута и нескольких донских старшин, которые мечтали о возвращении к старым законам: Казанкин, Соколов, Юдушкин и Турченин, знакомые все лица.

«Ясно, батя и Троян что-то задумали, а я в их задумку как игровой элемент вошел. Ну, хорошо, пойду на поводу у старших, подыграю вам».

– Батяка, мы в поход на Персию собрались. На море Хвалынское пойдем, шарпальничать станем и с басурманами драться.

– Мал еще против персов ходить. Молоко на губах не обсохло. Дома останешься.

– А вот и нет! – увидев в глазах отца молчаливое одобрение, не согласился я. – Первая кровь на мне есть, так что могу и сам пойти.

– Ах, так! Да я тебя!

Кондрат вынул нагайку, которая у него была приторочена за кушаком со стороны спины, и попытался меня ударить. Но я отскочил в сторону, а к нему подошел Лоскут, который на показ закричал:

– Успокойся, атаман! Ну, неслух твой сын, но все мы такими были.

– Ладно, – бросил батя и, спрятав нагайку обратно за ку-

шак, повернулся к старшинам, которые очень внимательно смотрели за всем происходящим, и кивнул им в сторону ворот: – Пошли атаманы-молодцы, обговорим дела наши.

Войсковой атаман и старожилы покинули двор, а ватажники отошли в сторону и я спросил Лоскута:

– Троян, что это было?

– Война с Россией окончилась, и теперь старшины в атамане слабость ищут. Вот мы и решили тебя на первый план выставить. Показать раздор между отцом и сыном, и этим отвлечь их на время.

– А откуда знали, что все так сложится?

– Ватажники твои уже третий день про поход рассуждают, и подтолкнуть их на то, чтобы они именно сегодня к тебе с этим вопросом подошли, было проще простого.

– Понятно. А про то, что я в Черкасск въехал, караул доложил?

– Верно.

– Могли бы и предупредить.

– А чего предупреждать? И так все хорошо сложилось.

– И что теперь?

Лоскут посмотрел по сторонам, ухмыльнулся и сказал:

– Теперь, Лют, для многих людей ты становишься интересен, и тебе начнут предлагать помощь людьми и деньгами. Переизбрать такого авторитетного атамана как Кондрат, это дело не на один год, а старшины уже вперед смотрят и загадывают, кто следующим власть перехватит. Но пока они ду-

мают и гадают, что и как лучше сделать, да сторонников набирают, мы их сами прижмем.

– Через три дня у сестры свадьба, а я с батей в ссоре. Нехорошо.

– Не страшно. На свадьбе отгуляете без криков, но общаться будете как можно меньше, и для гостей, среди которых и старшины будут, это верный знак ваших с Кондратом внутрисемейных дразг.

– А вы интриганы...

– По-другому никак.

– Так что мне теперь, в поход идти или нет?

– Конечно, иди. Только не с войском, а сам по себе. Собирай вольную ватагу и направляйся вниз по Волге к Астрахани, а там как захочешь. Для всех казаков ты вожак случайных гулятьев, а на деле у тебя в отряде будут люди, кто Кондрату свою преданность делами, а не словами, доказал. Оружие, одежду и припасы купишь на деньги старшин, самому тратиться не придется, а когда вернешься, отдавать долги будет уже некому.

– Так уж и некому?

– Точно тебе говорю, за полгода так все устроим, что они сами, кто куда, словно крысы разбегутся. Мы сейчас в силе, но нагнать не станем и все по закону сделаем.

– А корабль и команда? Если с армией идти, там астраханцы, мореходы опытные, а самому сложностей много. Или мне в другую вольную ватагу входить придется?

– Вот же дотошный. Будет у тебя корабль, не переживай, и команда знатная подберется. Один из московских купцов в Царицыне большую расшиву продавал, и мои люди ее вместе с командой выкупили.

– Заманчиво все это, и неспроста. В чем подвох?

Лоскут сделал непонимающее лицо и развел руки.

– Никакого подвоха. Твой отец себе смену растит. Сам он тебе напрямую помогать не станет, казаки этого не поймут. Но помочь хочет, и делает что может.

– Тогда получается, что мне еще и няньку приставят?

– Помощника и наставника, – поправил меня полковник.

– Какая разница, если суть одна и та же.

– Не говори глупостей. Тебе будут помогать командовать ватагой и в мореходном деле помощь окажут, но все решения только за тобой.

– Согласен.

– Другой бы на твоем месте от радости прыгал, а ты еще и выкаблучиваешься, согласен он...

– Дед Троян, не заводись. Кто у меня наставником будет?

– Василий Борисов.

Интересно, один из личных порученцев отца идет в мое подчинение. Это неплохо. Однако может вызвать подозрения у старшин. Поэтому я уточнил:

– Он, так же как и я, к отцу в немилость попал?

– Еще три месяца назад.

– Когда и где он к моей ватаге присоединится?

– В Царицыне.

– Тогда вопросов больше не имею. Могу быть свободен?

– Да, – Лоскут уже отвернулся и бросил через плечо: – Не вздумай радости своей показывать. Для всех ты с отцом в ссоре.

– Понял.

Я стер с лица улыбку, которая напознала сама собой, и двинулся к ватажникам, которые не понимали всей сути происходящих событий. Эх, погуляем теперь по морю Хвалынскому, добудем себе золотых динаров и тугриков, ну или какая там у персов монета в ходу, а заодно и славу заработаем. И хотя до Степана Тимофеевича Разина нам далеко, думаю, что не осраимся и покажем себя достойно.

Войско Донское. Черкасск. 15.07.1709.

– Никифор, пора идти.

Когда Митяй Корчага вошел в комнату, я был занят очень важным делом, затачивал свою легкую черкесскую шашку.

– Выдвигаемся.

Ответил я односуму, поднялся с табурета и закинул шашку в ножны, накинул на затылок невысокую барашковую папаху черного цвета и посмотрел на себя в мутное зеркало. Красавец! Новые сапожки, серые шаровары и простая темно-зеленая рубаша с открытым воротом. На поясе кожаный армейский ремень с затейливым узором, торгош из Сечи говорил, что венгерская работа, а на нем шашка и кинжал. В общем, любому человеку сразу видно, что перед ним не голь перекатная, а справный казак.

– Пойдем, – кивнув Митяю, я направился на выход.

По пути к нам присоединились остальные ватажники, Иван Черкас, Федор Кобылин, Семен Кольцо и Смага Воейков. Все мы при оружии и одеты, словно на праздник. Для нас сегодня важный день и выглядеть ватажники должны хорошо.

Вместе мы покидаем дом полковника Лоскута и идем к соборной площади. В небольшом отрыве от нас движется Ва-

силь Чермный, наверное, боевик полковника решил за нами присмотреть. Ну-ну, пусть наблюдает, несмотря на легкий мандраж, я в себе уверен, а ватажники уверены во мне, и значит, все у нас получится как надо.

Вспомнились минувшие десять дней. Веселая свадьба сестры, на которой гуляла половина Черкаска. Затем осторожные подкаты от донских старшин, которые зазывали меня к себе в гости и всякие интересные разговоры вели. Вроде бы ничего крамольного. Да вот только по их словам выходило, что отец мой зарвался, много беглых на Дон привел, и вольности старожилых казаков урезает, а от этого Войско хиреет. И они, как люди, которые думают за общественное благо, очень по этому поводу переживают. Ага! Сейчас! Знаю я ваше радение. Кто Кондрата в «реальности Богданова» сдал? Ась? Да понятно кто, Соколов, Казанкин и Ананьев, а все остальные им помогали, и Зерщиков, который сейчас на подъеме, и Поздеев покойный, и Фролов изгнанный. Упырки! Дождутся беды за свою болтовню и склочность, да и черт бы с ними. Главное, что они мне денег дали. Между прочим, без всяких процентов и условий, как своему. Не очень много, но и немало, триста рублей на дружину, провиант и припасы. Мне надо набрать всего пятьдесят человек, как элиту их вооружать не потребуется и у большинства оружие свое, так что вышеуказанной суммы должны хватить с избытком.

И вот получил я рублики, и начал в дорогу готовиться.

Собрал все необходимое, проверил оружие и коня перековал. Ватажники мои были заняты тем же самым и, окончив этот труд, мы присели на свои ковровые сумки, словно сицилийские мафиозо на тюфяки, и застыли в ожидании, которое продлилось одни сутки.

Вчера столица Войска Донского провожала на Астрахань армию, которая должна выступить на Персию. Всего уходило шесть конных полков и Первый Волжский стрелковый, общая численность бойцов пять тысяч человек, а командует этим соединением Максим Кумшацкий.

Донская армия ушла, и пришло время гулебщиков. Они двигались со всех донских городков и станиц, и собралось лихого народа около трех тысяч. Спрашивается, зачем они пришли? А все ясно. Люди хотели поучаствовать в войне против персов, но регулярные полки уже были укомплектованы и бойцов со стороны не набирали. Однако никто, включая войскового атамана, не мог запретить рядовым казакам и бывшим беглым отправиться в поход по собственной воле, и сегодня, согласно древним традициям, их день.

Как это все происходит в идеальном варианте? Гулебщики стоят на майдане и поджидают вольных атаманов, которые один за другим выходят на круг и выкликают всех, кто готов пойти в бой под их командованием. Кто-то берет под свое крыло несколько сотен воинов, другой сотню, третий пару десятков, а иной всего трех-четырех человек. Так продолжается весь день и ближе к вечеру, все кто остался, или

расходятся по хатам, или выбирают атамана среди своих, а потом сами идут в поход. Что характерно, зачастую, такие отряды двигаются совсем не туда, куда собирались утром. Бывало такое не раз, что основное войско на татар мчит, а гулебщики на Волгу или на Кавказ направляются. А что им сделаешь? Вольные люди. Куда хотят, туда и идут.

За размышлениями мы незаметно дошли до соборной площади. Народу битком, и кого тут только нет. Свои братья донцы, запорожцы, терцы, калмыки из Сальской степи, бурлаки, прошедшие войну с имперскими войсками крестьяне и лесовики-раскольники. А помимо них еще и любопытные, строители и сами горожане, степенные старожилые казаки, их жены и дети, седобородые старцы и пара священников из церкви. Шум, гам и толкотня, живое людское море, и от разноцветных одежд рябит в глазах. Давненько такого интересного схода казачья столица не видела, есть на что посмотреть.

Мы с ватажниками, с трудом, провожаемые недовольным гулом, протолкнулись в первые ряды и смогли увидеть концовку набора в очередной отряд. В центре большого круга стоял статный запорожец с длинным оселедцем на непокрытой голове, красных сафьяновых сапогах с сильно загнутыми носами, в красных же шароварах и синей шелковой рубаше. За необычным белым кушаком из парчи турецкий ятаган и пара пистолетов. Колоритный казачина, которого я знал.

Звали его Харько Нечос, и в минувшей войне он был од-

ним из ближних соратников командарма-3 Беловода, сильный боец и умный командир. Рядом с ним в две неровные шеренги полторы сотни воинов, в основном, как и он, запорожцы, но и терцы имеются и несколько горцев, по виду черкесы или вайнахи. Все как один справные бойцы, и мне сразу заметен правильный подход Нечоса. Запорожцы свои и знают его не понаслышке. А для черкесов и терцев Каспий и Кавказ родной дом, они обеспечат ему разведку и правильное понимание того, кто есть кто в тамошних землях, и всегда расскажут, кого можно грабить, а кого лучше не трогать.

– Эй, атаманы-молодцы! – Запорожский атаман, подбоченясь, взглянул на людей. – Еще три места имеется. Кто со мной!?

В круг сразу же хлынул десяток казаков. Харько Нечос переговорил с ними, троих отобрал, а остальные вернулись назад. После чего запорожец поклонился кругу и перекрестился на церковь. Его отряд, под приветственные и доброжелательные выкрики людей, покинул соборную площадь и двинулся в сторону восточных ворот, где проходил сбор гулебщиков, которые пойдут за основной армией.

Наклонившись к уху ближайшего донца, невысокого мужчины лет тридцати пяти, в справном сером жупане и с длинной саблей, я спросил его:

– Давно здесь стоишь?

– С утра.

Казак искоса посмотрел на меня. И признавая за равного,

кивнул.

– Сколько отрядов уже ушло?

– Этот седьмой, почти тысяча человек на перса собралось.

– Кто еще людей набирать будет?

– Семен Белый, Тарас Порох и Никифор Булавин. Белого и Пороха не видать, выжидают чего-то, а ты здесь, так что выходи на круг, если не передумал самостоятельным атаманом становиться.

– Откуда меня знаешь?

– Под Усманью тебя видел.

– А кто про набор отряда сказал?

– Половина города про это знает. Небось, переживаешь сейчас?

– Есть немного.

– Иди, казак, и ничего не бойся. Все мы под богом живем и когда-нибудь впервые на круг выходим, а ты парень справный и боевой. На подначки внимания не обращай, люди повеселятся и перестанут, а если из похода живой вернешься и с прибытком, про этот день легенды сложат.

– Ну, тогда пошел я, – обернувшись к ватажникам, указал им на свободное пространство: – За мной!

Рывок вперед и мы выдвигаемся на майдан. Проходим на середину и оказываемся в центре всеобщего внимания. Тишина накрывает площадь. Большинство собравшихся приезжие, и о том, что такой молодой парень как я, будет набирать ватагу, они не знали. И, разумеется, они удивлены этому об-

стоятельству. Хотя и до меня были такие хлопчики, которые в четырнадцать-пятнадцать лет отряды сколачивали, так что я не первопроходец.

Оглядываю притихших людей, смотрю на своих товарищей и понимаю, что назад уже не повернешь. Раз так, надо продолжать осуществление атаманской задумки, и не осрамиться.

Поклонившись на четыре стороны, я скинул с себя шапку и встряхнул черными, отцовскими, кудрями. Затем, широко размахнувшись, подкинул свой головной убор так высоко, как только смог. Шапка взлетела ввысь, на миг зависла в воздухе и упала мне под ноги. Я сделал шаг вперед, остановился над ней и, во всю мощь, выкрикнул:

– Атаманы-молодцы, послушайте! Я Никифор Булавин, служил в Третьей армии, имею деньги и желаю воевать, но как и вы, не попал в войско Максима Кумшацкого. Кто со мной на море Хвалынское пойти желает, басурман погонять, полоняников наших освободить и рухляди набрать!? Кто готов рискнуть!? Выходи ко мне, полсотни казаков прокормлю, смогу одеть, обути, через море перевезти и за собой повести!

Еще секунду продлилось затишье и, резко, без переходов, весь майдан зашевелился, загудел и зашумел. Что кричали люди, особо не слышно, все сплелось в один гул, который наполнил пространство вокруг, и я оказался в самом эпицентре этого звукового удара. Мои ребята от этого как-то даже

немного сжались, но я хлопнул здоровяка Михаила Кобылина в плечо и сказал:

– Все хорошо, односумы, так и должно быть. Шире плечи, казаки!

Ватажники приободрились, почти сразу начали выходить первые желающие пойти со мной, и вот тут уже я удивился. Предполагалось, что будет тридцать, может быть сорок человек из голытьбы и молодежи, а недостающих людей придется набирать в дороге из верных отцу казаков, кто в тени находится. Но те, кто выбирался из человеческой массы, почти все были справными казаками, и майдан снова притих, поскольку люди ничего подобного тоже не ожидали. Народ увидел нечто необычное, а я, поняв, что все идет даже лучше, чем мне грезилось в самых радужных мечтах, еще больше приободрился и начал стандартную процедуру принятия воина под свою ответственность.

Первым передо мной остановился тот самый казак, которого спрашивал про обстановку на майдане всего три минуты назад, и я задал ему первый вопрос:

- Здрав будь, вольный человек. Кто таков будешь?
- Сергей Рубцов с Хопра.
- Что умеешь?
- Пушкарь, саблей машу хорошо и стреляю прилично.
- Что из оружия имеешь?
- Саблю, два кинжала, два пистоля и фузею.
- Где и с кем в походах был?

– По юности крымских байгушей-конокрадов гонял. Потом на Тереке в Червленской станице жил, с кумыками резался, а последние пару лет на Дону и в Третьей армии атамана Беловода. Был рядовым бойцом, десятником и полусотником, а до сотника не поднялся, война окончилась.

– Лошадь имеется?

– Да.

– Готов мои приказы слушать, как слово батьки своего?

– Если долю в добыче дашь, и с припасом да одеждой не обидишь, я с тобой.

– Перекрестись, – Рубцов размашисто перекрестился, и я кивнул за спину. – Становись в строй.

Казак встал рядом с ватажниками, и передо мной появляется следующий боец. Мощный дядька лет под сорок в алом «запорожском» кунтуше и высокой шапке из черных смушек, из-под которой выглядывает длинный русый оселедец. Как завершающий штрих в его облике при нем очень дорогое оружие и парчовый кушак как у знатного старшины. Оказалось, что это бывший писарь Кошевского куреня Сидор Лучко, который по какой-то причине ушел с Сечи на Дон и теперь желает встать под мое начало. Такие вот дела, и по-хорошему, ему надо бы отказать, писарь должность в курене хорошая, а тут рядовым рубакой идет, странно это. Однако причин для отказа нет, воин Лучко знатный и опытный, и мой отряд получает второго бойца. За ним появился третий, четвертый и так далее до пятидесяти человек. И когда ватага

уже была набрана, в очереди стояло еще три десятка человек, так что, уже не обращая внимания на предполагаемую вместимость расшивы, которая ждет меня в Царицыне, я взял еще семь казаков.

Так все и меняется. Проходит двадцать минут, и надомной уже никто не смеется, ибо каждый, у кого на плечах голова, а не тыква, понимает, что ко мне настоящие казаки пришли, а не какие-то нищие неумелые оборванцы из беглых. Ватага строится и под командованием Сергея Рубцова покидает майдан, а я, в сопровождении Ивана Черкаса, перехожу на другую сторону площади.

Под одобрительный говор людей, раскланиваясь с донскими старшинами, которые дали мне денег на ватагу, я иду в войсковую избу. Отряд должен быть записан в войсковых бумагах и мое появление здесь не вызывает ни у кого вопросов или каких-то подозрений. Однако за мной увязывается хвост из нескольких любопытствующих старшин, и я должен быть сдержанным, но в то же самое время и немного хамоватым, как и полагается командиру вольных ватажников-отважников.

Я в войсковой избе и по случаю схода гулебщиков здесь некоторая перестановка. На входе в большой и просторной горнице стоит широкий стол, а за ним полковник Лоскут и пара писарей. Отец тоже здесь, расположился немного в стороне, рука на атаманской булаве, слева и справа верные казаки из конвоя. Подхожу к столу и, немного выставив вперед

правую ногу, приветствую всех присутствующих:

– Здравы будьте, атаманы.

– И тебе здравия, – отвечает отец. – С чем пришел?

– Вольную ватагу собрал и хочу с ней на море Хвалынское пойти.

– Сколько у тебя людей?

– Шесть десятков и еще два.

– Имеешь ли все потребное для нелегкого похода?

– Всего хватает.

– Ну, ступай с Богом!

Голос отца совершенно нейтрален, старшины это видят и пускай. Поворачиваюсь к Лоскуту, отвечаю теперь уже на его вопросы о ватаге, писари быстро записывают мои слова на бумагу, и мы с Черкасом покидаем центр власти Войска Донского.

Вот и все, теперь я уже сам по себе и никто, кроме моих казаков, мне не указ. Как говорится, все в твоих руках, действуй, Лют.

Мы с Иваном огибаем майдан, на котором слышен голос очередного атамана, набравшего себе воинов, кажется, это был Сидор Белый, восточными воротами выходим из города и вливаемся в очередную гомонящую и вооруженную человеческую массу, которая расположилась сразу за стенами Черкасска. Быстро находим свой отряд, казаки сидят полукругом, и я, без промедления, выхожу в середину.

– Ну что, никто не передумал со мной в поход идти?

Этот вопрос я обязан задать и ответ на него совершенно стандартный:

– Нет!

– Решено, мы с тобой!

– Слово сказано, и назад его не вернешь.

Нормально, так и должно быть, хотя я по-прежнему удивлен тем, что взрослые мужики (пardon, мужчины, за мужиков здесь кровью взять могут, как за тяжкое оскорбление) принимают мое верховенство над ними. Совершенно понятно, что человек пять казаков – это булавинцы, а остальных-то какой волной притянуло? Не ясно, но чего только в жизни не случается, тем более в таком вольном сообществе как наше.

– Значит, так, – я снова обращаюсь к казакам, – чтобы не было лишних вопросов, поясню сразу. Все делаем по дедовским обычаям. Одна доля от добычи рядовому рубашке, две доли десятнику, двум моим помощникам, кого сам назначу, по пять, мне десять. Расходы на провиант и прочие отрядные нужды из общего котла. Пока на все трачусь я, а как дуван будет, затраты свои возмещу. Устраивает?

– Да.

За всех ответил Сергей Рубцов, который, наверняка, и станет моим первым замом, а вторым, конечно же, будет Василий Борисов. Славные помощники должны быть, не без своего мнения, само собой, но сильно меня давить не станут.

– Вопросы ко мне имеются?

– Найдутся, – отозвался Сидор Лучко. – Как в Персию доберемся?

– На расшиве.

– А где же ее взять? До Царицына верхами дойдем, а надо, так и до Астрахани, лошади у всех имеются. А дальше что? По всей Волге сейчас ни одного свободного суденышка.

– Для нас такое суденышко найдется, не переживай, Сидор. Ты правильно сказал, что верхами к Волге пойдем. Затем лошадей оставим под присмотр Царицынского городского начальства, а по возвращении их заберем. Обмана быть не должно, все договорено, расшива имеется, припасы закуплены и дело только за нами.

– А где припасы-то?

– Утром подвезут. Будет хлеб, соль, пшено, сало, мясо вяленое и рыба сушеная.

– Когда навыки воинские и оружие проверять станешь?

Следующий вопрос задал молодой рыжеволосый казак, которого, кажется, звали Юрко Карташ.

– В дороге на вечерних привалах. Там же и на десятки поделимся.

– А проставляться на удачный поход будешь?

– Само собой, как обычай велит. До вечера вы должны разбить отдельный лагерь, привести в него своих лошадей и подготовить походные сумки. Как первые костры зажгутся, из города приедут лавочники, еду и питье привезут. С меня бочонок горилки и закуска. Старшим вместо меня остается

Рубцов. – Дальше молчание, вопросов нет и, указав на открытое пространство в полукилометре от ворот, я скомандовал: – На три часа все свободны. Сбор на том месте, слева от кургана.

Казаки разошлись, а у меня с товарищами забота. Мы прошли к месту, где я наметил поставить свой временный лагерь, и раскидали вешки. После этого Кобылин и Смага Войков остались встречать людей, а мы с Черкасом направились в город за нашими лошадьми и вещами. Но сразу попасть домой не получилось, так как по дороге нас перенял атаман Харько Нечос.

– Эй, Никифор, – окликнул он меня.

– Привет, Харько, – я остановился, обернулся к запорожцу и взмахнул рукой.

Он подошел вплотную, смерил меня оценивающим взглядом, улыбнулся и, дабы завязать разговор, спросил:

– Значит, набрал себе ватагу?

– Набрал.

– Говорят, у тебя расшива имеется?

– Да.

– И у меня две.

– Ну, раз такое дело, может быть, до Астрахани вместе пойдем? – Поняв, к чему ведет Нечос, спросил я.

– А может быть и дальше?

– Пока до Астрахани, а там видно будет. Надо узнать, куда наши основные силы двинутся и куда астраханцы с Кумшац-

ким свой удар направят.

— Это так, но если наши цели совпадут, то вместе басурман бить легче.

— Понятно, что легче.

— Тогда предлагаю встретиться вечером у костра и за чаркой вина все подробней обсудить.

— Я не против. Мой лагерь слева от кургана.

— До вечера, Никифор. Моя стоянка рядом будет.

— До вечера, Харько.

В доме Лоскута мы оказались только через час. Иван стал седлать наших лошадей и закидывать на них ковровые сумки и баулы, а я в это время разговаривал с отцом, который после того как люди с майдана разошлись, сразу пришел к полковнику.

Батя крепко обнял меня и сказал:

— Горжусь тобой, сын. Все правильно сделал, придраться не к чему.

— Благодарю, отец, но без твоей помощи у меня ничего не получилось бы.

— Чепуха. Дурню ничто не поможет, а ты у меня молодец, — на миг он прервался, посмотрел в мои глаза, затем присел на широкую лавку у окна и добавил: — Честно говоря, не хотел я, чтобы ты химородником становился, но видно, что все во благо нашего народа по воле божьей вершится, и тут Лоскут прав.

— А чего так?

– Некоторые люди, становясь ведунами, случалось, так менялись, что их и не узнать было. Появлялась непонятная заносчивость, и они считали себя выше всех людей, кто вокруг них находился. Слава Богу, что ты не таков. Изменения имеются, но все в лучшую сторону. Значит, мне это зачтется, хорошо тебя воспитал.

– Это получается, что ты меня опасался, и потому со мной общаться не желал?

– Да. Надо было к тебе присмотреться.

– Родному сыну не доверился.

В моем голосе, сама по себе, проскочила легкая обида, а Кондрат, слегка поморщившись, сказал:

– Когда с химородником дело имеешь, даже с таким молодым как ты, осторожность необходима всегда. Тем более что ты моя родная кровь и наследник, и это могло сильно отвести глаза.

– Кстати, насчет наследника. Лоскут говорил, что ты меня своим преемником видишь. Это правда?

– Правда. Наше общество не имеет царей и это благо. Но чтобы выжить, казакам нужна крепкая власть. Последние великие атаманы Черкашенин и Татаринов оставили после себя большую славу, но не достойного наследника и продолжателя своих дел и, в конце концов, нас под себя Москва подмывала. Я этого допустить не могу, и потому на тебя надеюсь.

– Ты прав, отец, и я постараюсь выдержать все испытания, вернуться в Черкасск и снова встать с тобой рядом.

Под окном всхрапнули лошади. Ваня готов, а значит и мне пора. Кондрат это тоже понял, встал с лавки, снова меня обнял и прошептал:

– Удачи тебе, Никифор, и разумения. Помни, персы и горцы коварны, и потому никому не верь. Ступай.

Напутствие отца я запомнил крепко. Развернулся, покинул дом Лоскута и с крыльца запрыгнул на жеребца. Повод одной из лошадей намотал на луку седла и, взмахнув рукой, выкрикнул:

– Гайда!

Мы выметнулись со двора и по опустевшим улочкам донской столицы помчались на выезд. Десять минут и снова мы в чистом поле.

Вечереет, и из ворот выезжают возы и телеги. Это торговцы, которые везут провиант и выпивку для гулебщиков. Я увидел знакомого лавочника, который тоже решил подзаработать, пожилого покалеченного в боях казака Епифана Сурова, и придержал своего коня.

– Здрав будь, дядька Епифан, – окликнул я Сурова.

– А-а-а, Никифор, – он тоже узнал меня и подстегнул запряженную в телегу гнедую кобылку. – В поход собрался?

– Собрался. А ты, смотри, поторговать решил?

– Ага, – согласился он.

– Чего везешь?

– Горилку и вино, два бочонка по сорок литров, окорока копченые, рыбу, хлеб и овощи.

– Сколько за все получить хочешь?

Казачина почесал затылок, хитро прищурил правый глаз, произвел подсчет и выдал итог:

– Четыре рубля.

– Плачу два с полтиной и забираю все сразу.

– Идет!

– Иван, – повернулся я к односуму, – проводи дядьку Епифана к нашей стоянке.

– Сделаю.

Товарищ согласно мотнул головой, а я, ударив Будина стременими по бокам, гикнул, и помчал в степь. Все! Я вырвался на волю, и впереди настоящая жизнь. Походы, оружие, боевое братство, добыча и война с теми, кого наше общество считает врагами.

Астрабадский залив. 01-02.09.1709.

Гладкая и пока еще спокойная синева Хвалынского моря. Над головой летают жадные, крикливые и вечно голодные чайки, а на душе благостно и очень мирно. Сентябрь месяц в южной части Каспия, в Астрабадском заливе, который иногда еще называют Горганским или Гирканским, обычно проходит без штормов. И пользуясь этим, наша эскадра, два судна атамана Нечоса, пять судов присоединившегося к нам в Царицыне волжского гультая и бунтаря Гаврюши Старченки, а так же моя расшива, идет в гости к персам.

– Хей! Никифор! Подходи ближе!

Сильный голос Харько Нечоса, который стоит на носу своего судна, разносится над водной ширью. И, повернувшись к Василию Борисову, который находится рядом, я отдаю команду:

– Сближаемся!

А Нечос в это время поворачивается в другую сторону и кричит уже туда:

– Хей! Гаврюша! Подходи ближе!

Мощное рулевое весло на корме моей расшивы поворачивается. Парус немного приспускается, и я вижу, что действия матросов, как всегда слажены, а команды Борисова вы-

полняется без всякого промедления. Наша расшива с двумя мелкокалиберными пушками, на которую вся моя ватага погрузилась в Царицыне, плавсредство, может быть, и неказистое, но функциональное. Она способна выдержать плавание по Каспию и даже небольшой шторм перебедровать. Корпус по длине пятьдесят два метра и сделан из пиленой сосновой доски, ширина десять метров и высота борта три с половиной. Ну, а мачта, это надо видеть, двадцать семь метров и сделана из шести стволов. Сколько на нее смотрю, все время немного пугаюсь, что когда-нибудь под напором ветра она сломается. Но пока все хорошо, тридцатиметровый парус из высокопрочного брезента не рвется, а сама мачта, хоть и потрескивает, однако держится. Сразу видно, что эту расшиву настоящие мастера строили, у которых получилось отличное судно грузоподъемностью четыреста семьдесят тонн, при нормальном среднем ветре выдающее скорость двести десять километров в сутки.

Четырнадцатый день наша флотилия в море. Мы покинули Астрахань одновременно с основным астраханско-казацким войском, которое пошло вдоль западного берега, имея своей конечной целью разграбить порт Астара, а потом совершить поход к личному султанскому домену богатому городу Ардебиль. А у вольных ватаг гулебщиков дорога своя, кто куда желает, туда и направляется. Например, атаманы Белый и Порох ушли на Терек, где вместе с терцами налетят на владения верного персидского данника Кубинского хана. Или

атаманы Козлов, Ярцев и Петров, желающие высадиться в районе Анзали и ограбить этот город. Наша задумка иная, мы самые наглые и для нападения выбрали главный порт Астрабадской провинции, который называется Гяз. Думаем, там найдется, что взять. Ведь как ни посмотри, а пока персы живут богаче русских и хотя золотая эпоха кызылбашских правителей Сефевидов уже близка к закату драгоценных металлов, фаянса, шелка, ковров, риса и сахара в Гязе должно быть много. Эх, было бы бойцов больше, можно было и сам Астрабад осадить. Но нас всего пятьсот пятьдесят человек при восьми пушках и для ведения нормальных боевых действий это немного.

Итак, сегодня ночью мы должны подойти к берегу и Харько Нечос, которого мы со Старченкой признали за главного атамана, вызывает нас на свою расшиву. Послушаем опытного военачальника, узнаем, что он за две недели плавания надумал, и придем к общему знаменателю по десантной операции.

Моя расшива притерлась к борту запорожского судна. Прыжок. Я оказываюсь на палубе, ловко переступаю и крепко встаю на ноги. Со мной рядом, так же аккуратно, без падений, приземлились мои помощники Рубцов и Борисов. С противоположного борта в это время появился Старченка, широкоплечий здоровяк с длинными русыми волосами, которые ниспадали на простую белую рубаху. Было дело, в самом конце войны с Россией, попал Гаврюша в плен и, прежде

чем его выручили, он лишился обеих ушей, вот и ходит теперь, словно расстрига.

Харько Нечос находился под навесом на баке судна. Мы подошли к нему, забрались под полог и расположились во круг запорожца. Тот оглядел нас и сразу перешел к делу:

– К полуночи будем у Гяза. Поэтому вопрос такой. Сразу атакуем или ждем утра?

– А чего ждать? – усмехнулся Старченка. – Примерный план города у нас есть, астраханцы там часто бывали. Поэтому, как высадились, так и атакуем.

– Ждать не стоит, а то без добычи останемся, – я был согласен с Гаврюшей. – Персы, само собой, знают, что Астрахань войска собирает, но здесь нас никто не ждет, слишком далеко этот берег от Поволжья, как никак другой конец Хвалынского моря.

Запорожец пригладил потный оселедец и, кивнув, продолжил:

– Тогда давайте разбираться, кто и что атакует, и как хабар делить станем.

Старченка задумался и в этот раз первым высказался я:

– В городке имеются наместник, казна, торговые склады и дома купцов. Кроме того, у причалов, наверняка, будет стоять несколько грузовых судов и там же рядом таможня с управлением порта. В общем, дуван ожидается такой, что всем хватит, и я предлагаю сделать следующее. Деньги делим по количеству бойцов, на каждого погибшего вдвойне,

а товары, кто чего взял, то при нем и остается. А что насчет атаки, высаживаемся на берег залива, идем к порту, а от него к городу. Действуем заодно и Гяз берем все вместе. Стен в городке почти нет, и для обороны могут быть использованы только два здания, дворец наместника и казарма.

Гаврюша согласился:

– Прав, молодой.

– Значит, так и поступим, – запорожец тоже был удовлетворен.

В этот момент донесся крик впередсмотрящего:

– Слева вижу четыре паруса! Расстояние три с половиной версты! Идут на Гяз!

Мы вскочили и Харько скомандовал:

– Готовьтесь, братья! Если это бригаантины, они от нас уйдут, и придется Гяз штурмом брать! А если торговые пузаны, сразу добычу получим! Старченка, на тебе два судна, а мы с Никифором по одному возьмем. Добыча без дележа, что есть на судне – все на вашу ватагу. Давай, атаманы!

Я и Старченка вернулись на свои расшивы. Паруса распахнулись во всю свою ширь и наполнились свежим ветром, кормчие направили нас к персам, а казаки принялись вооружаться. Близится первый бой. Глаза всматриваются в приближающиеся серые полотнища чужих парусов, и вскоре становится понятно, что это бусы, неповоротливые торговые суда персов. Наша расшива, само собой, тоже далеко не фрегат, но по сравнению с персами, мы как ястреб на фоне

курицы. Правда, обычно на бусах имеются пушки, от трех до пяти средних орудий, но пока персы прочухаются и к бою приготовятся, мы уже будем рядом. Главное – первый заход не прозевать, хорошо к вражескому борту подойти и абордажной партией за палубу зацепиться, а дальше купцы куда не денутся.

В томительном предбоевом ожидании проходит час. Наша цель замыкающий колонну бус. Расстояние между нами и торговцем уже метров семьсот, и тут персы, наконец-то, засуетились. Ударило бронзовое било на корме чужого судна, и забежала в суе команда, а перепуганный персидский капитан совершил роковую ошибку. Он решил отвернуть в сторону, но по какой-то причине, сделал это так неловко, что скорость буса резко упала, парус обвис, а мы тут как тут.

На мгновение расшива соприкоснулась с более высоким бортом персидского судна. Полетели на чужую палубу толстые выброски с железными кошками и металлической оплеткой, и раздается громкая команда Борисова:

– Спустить парус! Хлопцы, тяни канаты! Не дай басурманам уйти!

– И-и-и-и, ра-а-аз! И-и-и-и, два-а-а!

Парус опадает вниз. В то же самое время крепкие мускулистые руки хватают веревки и накидывают их на кабестан. Сильные тела матросов начинают его крутить и просмоленный борт персидского судна все ближе.

Следующую команду подаю уже я:

– Стрелки, не зевать! Кто из персов попробует в нас пальнуть, того сразу убивайте!

– Поняли! – ответили мне готовые к бою казаки и, как на заказ, над вражеским бортом появилось пять человек с фузеями и пищалями.

– Бах! Ду-хх!

Мои ватажники оказались быстрее врагов. Десять стволов выстрелили одновременно и три противника упали на свою палубу, а остальные спрятались.

Оглядываюсь на море. Две расшивы Нечоса уже взяли центральный персидский бус, а парни Старченки оплошали, одного противника загоняли, а второго не смогли, и тот открыл пальбу из пушек.

Тем временем мы уже вплотную сцепились с торговцем и, вынув из ножен свою легкую шашку, я взмахнул ее над головой и выкрикнул:

– Бей, басурман! Вперед, казаки!

– А-а-а! Сарынь на кичку!

Воины ответили дружно, матросы перекинули на чужой борт сходни и, вскочив на деревянный щит, я первым оказался на палубе буса. Быстрый взгляды налево и направо. Слева корма и небольшая надстройка, рядом с которой два десятка испуганных моряков с самым разным оружием, в основном, с топорами, сгруппировались в кучу и готовятся к своему последнему бою. Это бараны, которых казаки, коль будет нужда, за одну минуту перережут. А вот справа препятствие

серьезное, богато разодетый молодой юноша в синем халате и большой белой чалме. Он немногим старше меня и с ним около десятка горцев в длиннополых бурках, под которыми видны панцири. В руках у них пара ружей, пистолеты, кривые сабли и длинные кинжалы. Видать, кто-то из знати с охраной путешествует.

Казаков на палубе уже полтора десятка. Молодой вельможа что-то выкрикивает, и горцы вскидывают свои огнестрелы.

– Берегись!

Мой голос разносится над бусом и, перекатом вперед, по ровной палубе, я ухожу с линии огня. То же самое делают мои ватажники, которые разбегаются в разные стороны, и свинец персов рвет дерево, но почти не задевает людей.

Я вскакиваю и без команды, на одном порыве, вместе с казаками бросаюсь на противника. Шашка в ладони сидит как влитая и, с разбега, подпрыгнув, я обеими ногами бью в грудь первого врага. На то, чтобы свалить врага, мне не хватает массы тела. Но противник все равно пошатнулся и немного растерялся, а я сгруппировался и не откатился назад, а встал на палубу перед ним и, наотмашь, держа остро заточенное лезвие клинка на уровне груди, слева направо провел лезвием по его горлу. Стон! Всхлип! Хрипы вскрытой гортани! И зажимая рану, горец скатывается вниз.

Отталкиваю умирающего охранника в сторону, и при этом слышен крик одного из персов: «Яман!». Со всех сто-

рон идет жестокая резня, передо мной очередной противник и, работая как на тренировке, я острием бью в бок горца. Но клинок отскакивает от панциря, и враг, выпучив глаза, кидается вперед. Наверное, он хотел придавить меня к палубе и задушить, так как оружия у него не было, позже выяснилось, горец потерял его при столкновении с Рубцовым. И все бы у него могло получиться, но моя правая ладонь разжимается, шашка выскальзывает, и локтем правой руки я встречаю подбородок горца. Одновременно с этим движением, левая рука тянет из ножен кинжал и бьет противника под панцирь в брюшину.

Очередной враг падает. Я готов продолжить бой, ноги полусогнуты, а тело напряжено. В левой руке кинжал, а правая тянет из кобуры заряженный пистоль. Однако все кончено. Мы действовали настолько быстро и агрессивно, что охрана молодого человека, который, кстати сказать, жив и здоров, не успела нанести нам серьезных потерь, хотя трое казаков ранено, а один убит. При этом все потери приходятся на бой с горцами, а матросы сопротивляться не стали, увидели, как мы деремся, попадали на колени и о милости просят.

– Не балуй!

Я слышу голос Рубцова, поворачиваюсь и вижу, как он пяткой сапога бьет в голову важного вельможи, который тянется за спрятанным под халатом тонким стилетом. Юноша теряет сознание, а я снова смотрю на море, убеждаюсь, что все торговые бусы взяты, и спрашиваю своего помощника:

– Сергей, ты вроде бы местные языки знаешь?

– По кызылбашски говорю.

– Надо капитана этого судна найти, допросить его и узнать, что у них за груз.

– Сделаем.

Мы с Сергеем идем к матросам. Он их о чем-то спрашивает, находит капитана и вскоре я узнаю, что бус идет из Ленкорани и везет рулоны кутни – кызылбашскую полушелковую полосатую ткань. Это добыча серьезная, стоит немало и, быстро прикинув оптовую цену на семьсот рулонов кутни в Астрахани, я пришел к выводу, что это тысяча рублей как минимум, разумеется, если дотянуть груз до перекупщиков. На других судах каравана в Гяз плыли изделия ардебильских оружейников, кипы овечьей шерсти, кызылбашские седла и мешхедские луки. Тоже неплохо.

Теперь, что касательно молодого вельможи. Звали его Абдалла Мехди-Казим, и был он третьим сыном самого эшых-агасы-башы, что с азербайджанского (кызылбашского) переводится как «голова начальников порога». В общем, чтобы было понятней, папаша нашего пленника являлся главным церемониймейстером шахского двора. Должность солидная и хлебная, человек при власти, так что, глядишь, за молодого Абдаллу еще выкуп получим, а может быть, что и нет, сын всего лишь третий, а у эшых-агасы-башы их, скорее всего, больше десятка.

Тем временем, за пару часов согнали трофейные суда в

кучу, оставили на них прежнюю команду, под крепкой охраной наших казаков, снова собрались на совет и стали думать, продолжать нам поход, или ну его к черту, этот самый порт. В итоге победила жадность, и постановили двигаться дальше. Но кое-что изменили, и порт решили атаковать не ночью, а при свете солнца, прямо с персидских бусов.

Сказано, сделано, и следующим утром в гавань Гяза одно за другим вошли четыре торговых судна. Охрана, два десятка расслабившихся доходяг, особого внимания на нас не обратила, и на причале бусы встречали только таможенники. Первым пристало судно Нечоса, вторым мое. Минутное ожидание, таможенники и охрана не понимают, чего ждут матросы и капитаны кораблей, которые должны заплатить пошлину, доложиться о товарах и посетить начальника порта. А все просто, мы ждем подхода Старченки. И как только его суда, подобно нашим, швартуются к причалу, наступает момент атаки:

– Братцы! – Все мы слышим зычный голос Харько Нечоса. – Гуляем!

Пора. Мои казаки перепрыгивают на берег. Как водится, я впереди, назвался атаманом отважников, значит, соответствуй. Стрельбы не открываем, не следует поднимать преждевременный излишний шум, и охранников с таможенниками вырезают настолько быстро, что они не успевают ничего понять.

Проходит пять минут и порт оказывается под нашим кон-

тролем. Казаки делятся на десятки и полусотни, выстраиваются в колонны и, оставив на причалах три десятка бойцов, которые должны встретить расшивы, по дороге поднимаются на невысокую гору, где и раскинулся городок Гяз.

Под ногами каменистая щебенка и серая пыль. После морской качки шагать по твердой поверхности непривычно и, почему-то, хочется веселиться. Кто-то даже попытался песню затянуть, но слышен звучный шлепок, десятник наводит порядок, и пятьсот метров до городка, перехватывая всех встречных, крестьян, ремесленников и пару купчиков, казаки проходят в тишине.

Вот и сам Гяз. Как водится, окраины застроены грязными глинобитными лачугами, а в воздухе витает сильный болотный запах.

«Правильно сделали, что ночью сюда не приперлись, — мелькает у меня мысль, — а то бы бродили тут как придурки, искали, где и что находится».

В левую руку беру пистоль, в правую шашку и, все так же, молча и без суеты, указываю направление на центр городка. Там стоит дворец наместника и казарма, и там проживают самые знатные местные людишки. Правда, большинство из них в столице или в Астрабаде, тут климат не очень здоровый, топей много и влажность большая, но кого-то на месте все равно застанем, и на денежку потрусим.

Одна улочка сменяется другой. Три казачьи колонны приближаются к центру с разных сторон, и пока все идет просто

отлично. Но местные жители быстро понимают, что мы чужаки и враги. Они поднимают истошный крик и бегут впереди нас. Это не есть хорошо, и мы устремляемся за ними вслед. Бегом, как можно скорей, казаки спешат вперед, и вскоре мы оказываемся на площади перед трехэтажным зданием, дворцом местного управителя. Рядом притулилась огороженная глинобитным забором одноэтажная казарма, а за этими зданиями видны зеленые фруктовые сады и белокаменные особняки знати.

Моя ватага первой оказывается на месте, остальные пока запаздывают, и я решаю не медлить, а сразу атаковать казарму, в которой полторы сотни пехотинцев туфенгчи, могущих встретить нас ружейным огнем.

– Василий, – я оглядываюсь на Борисова, – возьми десяток и захвати дом городского главы! Остальные за мной! У кого бомбы, приготовиться! Побьем басурман без всякой жалости, казаки!

Через небольшую площадь мы перетекаем потоком, забегаем во двор казармы, и я вижу первого вражеского солдата. Мой пистоль изрыгает пламя. Кусок свинца с четырех метров разносит голову, что-то орущего туфенгчи, пистоль возвращается в кобуру, и вместе с ватажниками я вламываюсь в длинное приземистое здание.

В казарме суeta и беготня. Сотня полуодетых мужчин в душном помещении мечется в поисках своего оружия. Но что с этого толку? Порох и патроны хранятся отдельно от

ружей, а с сабельками против нас особо не повоюешь.

– Убрать бомбы!

Понимая, что взламывать оборону укрепившегося противника нам не придется, я отдаю новый приказ, и кидаюсь в гущу схватки. Кровь летит во все стороны, и массой своего организованного плотного строя, стреляя из пистолей и рубя тела врагов клинками, мы ломим сопротивление расслабившихся на отдаленном форпосте империи персидских регуляров.

Швир-хх! Свистит шашка и рубленая рана вскрывает череп перса.

Швир-хх! И отрубленная кисть руки, сжимающая саблю, падает на скользкий глинобитный пол.

Швир-хх! И еще один, пытающийся сбежать, противник, мертв.

Схватка поглощает меня полностью. Хочется рубить и резать, лить кровь и уничтожать любую попытку сопротивления, но враги быстро заканчиваются, а меня останавливает голос Рубцова:

– Никифор! Нечосу помощь нужна!

Резким движением я стряхиваю с шашки кровь и спрашиваю Сергея:

– Что случилось?

– Он в особняках застрял. Вроде бы хорошо пошел. Однако на гулямов напоролся. Они его конным строем атаковали и весь отряд разбросали. Пока наши казаки от них отбива-

лись, в особняках знати вельможи очнулись, и силы в кулак собрали.

Гулямы это серьезно, гвардейцы, вроде турецких янычар и египетских мамелюков, тяжелая латная кавалерия, которую персы набирали в основном среди грузин.

– А Старченка где? – спросил я Рубцова.

– Своих бродяг собирает. Они склады грабить кинулись.

– Скоты!

Помянув недобрым словом разбойников Гаврюши Старченки, я повел три десятка своих ватажников на помощь Нечосу. И вот здесь-то, нам и пригодились скопированные с русских гренадерских образцов бомбы, набитые порохом и свинцом чугунные шары с фитилем. Через сады мы вышли к широкому ровному полю между четырех особняков, напоминавшее турнирное и, чуть было, не влетели в кровавое месиво, в котором два десятка тяжеловооруженных конных панцирников и человек сорок спешенных персов бились с полусотней казаков. Где остальные люди Харько Нечоса, непонятно. Идти в лобовую атаку, смысла не было, потери будут большие, так как гулямы нас порубят, а огненный бой использовать неудобно, большая толкучка.

По зарослям мы быстро обошли персов, и в тыл к ним начали кидать бомбы, которые так рванули, что кони гулямов перепугались, вынесли их из толчеи и вот здесь-то мы всадников и встретили. При этом я снова отличился, лично одного панцирника прыжком с дерева из седла выбил и глотку

ему перехватил. На этом моменте бой, как таковой, закончился. Без гулямов, которые полегли все до единого, остальных персов перебили быстро, а затем подошли потерявшиеся казаки Нечоса и Старченка сотню своих оглоедов собрал.

После этого моя ватага снова стянулась в центр города, и начался сбор особо ценной добычи. На все про все у нас время только до утра, а потом придется бежать, ибо многие горожане скрылись, и из Астрабада, в любом случае, на помощь Гезу выйдет мощный отряд. Само собой, биться за город нам не интересно. Значит, надо грамотно провести мародерку и вовремя свалить из этих мест.

Чувствуя сильнейшую усталость, я остановился возле колодца, который находился на заднем дворе дворца наместника. Скинул с себя пропитанную грязью и кровью одежду. Без жалости отбросил кафтан и штаны в мусорную кучу под стеной, оставил на себе только короткие подштанники и обмылся.

Вскоре появились Митяй Корчага и Федор Кобылин. Они принесли ворох чистой одежды, и я переоделся в легкий серый халат, какой носят кочевники туркмены.

По всем негласным правилам сейчас я должен был носить-ся по дворцу и хватать все, что под руку попадется. Однако я решил не торопиться. Помощники, Василий Борисов и Сергей Рубцов, пока справлялись без меня, и этим полностью отрабатывали свою четверную долю. Поэтому я решил сделать себе небольшой отдых, присел на табуретку в тени рас-

кидистой чинары и занялся чисткой шашки. А пока снимал с клинка запекшуюся кровь и прочищал долы, делал выводы из того, что сегодня произошло.

Что мы имеем? Порт и город взяты, и потери у всех разные. У меня шесть человек безвозвратных, хотя отряд самый маленький и он все время находился на острие удара. У Нечоса погибло двадцать три человека и девять тяжелых, много потерял, но это можно списать на случайность, на гулямов, которые проводили для своих хозяев турнир, заметили нас, приняли бой и прикрыли бегство вельмож. У Старченки тридцать шесть мертвецов и двадцать пять тяжелых, а все из-за глупости, жадности и неорганизованности, которые могли повлечь за собой общее поражение.

Какие выводы придется сделать после сегодняшнего дня? Их много, но основные просты.

Первое, с разбойниками дел иметь нельзя. Это я и раньше знал, но в этот раз меня Харько убедил вместе с Гаврюшей пойти. И хотя сам Старченка хороший боец и нормальный командир, контингент бойцов в его отряде дрянь. В большинстве бунтари, привыкшие ночами поджигать боярские усадьбы и, на мой взгляд, они просто обуза.

Второе, персы вояки неплохие, но неорганизованные.

Третье, сегодня мы соберем добычу, и при дележке может выйти некрасивая ситуация, так что придется подготовиться самому и казакам своим инструкцию дать.

Четвертое, мои ватажники-отважники показали себя до-

стойно, ни один не струсил и за спинами товарищей не отсиживался.

Вот такие дела и такие мысли после боя.

– Дзан-гг! – со звоном, на втором этаже дворца было выбито стекло, и в проеме появилась растрепанная голова Ивана Черкаса.

– Чего все ломаешь!? – окликнул я односума.

– А зачем что-то беречь, Никифор? Все равно, когда будем уходить, добро басурманское подожжем.

– И то верно.

Согласившись с Иваном, я хотел еще минут десять посидеть, но он сказал:

– Мы тут казну городскую нашли, и Борисов тебя зовет.

– Ничего не трогали?

– Нет, все как ты велел. Тут мешки опечатанные, а в них монеты.

– Сейчас подойду.

Я встал с табуретки и еще раз обтер шашку чистой ветошью, которая оказалась дорогой шелковой шалью. Затем подкинул ее и поставил клинок, а когда шаль распалась на две части, я удовлетворенно ухмыльнулся, и отправился во дворец. Казна такое дело, что глаз да глаз нужен, и пока шел, вызвал на дележку Нечоса и Старченку, это значит, дабы атамань видели нетронутые печати и невскрытые мешки, и не говорили потом, что их кто-то обманул.

Персия. Исфахан. 20.09.1709.

Повелитель огромнейшей империи Сефевидов шах Солтан Хусейн Первый, завернутый в несколько халатов с огромной чалмой на голове пятидесятитрехлетний рыхлый мужчина, сидел в тронном зале своего дворца и смотрел на стоящих перед ним людей. И как это всегда случалось, когда эти люди, его духовный наставник Махаммад Бакир Маджлиси и тетя Марьям Бегум, были рядом, он думал о трех вещах. Во-первых, шах желал покинуть казавшееся ему душным помещение и выйти в сад. Во-вторых, ему хотелось выпить сладкого заморского вина и забыться. А в-третьих, после принятия внутрь горячительного напитка, вызвать к себе из гарема самых прекрасных наложниц и насладиться жаром их бедер.

«О, Аллах, – мысленно взмолился шах, – ведь я не хотел быть правителем, но стал им. Зачем? Ведь был младший брат Аббас, который гораздо умней и способней меня. И если такова твоя воля, что я стал исполнителем божественных планов на этой благословенной земле, то почему никто не желает выполнить мой приказ и оставить меня в покое?»

Взгляд Солтан Хуссейна снова сосредоточился на проповеднике и на тетке. Как обычно, они вели между собой дав-

ний спор.

Священнослужитель требовал продолжить борьбу с суфитами, алкоголиками и курильщиками опиума. Кроме того, он утверждал, что не будет в государстве мира и спокойствия, пока в нем существуют сунниты, евреи, христиане и зороастрийцы. Всех жителей империи необходимо сделать шиитами или уничтожить, так говорил Махаммад Бакир Маджлиси, и шах ему верил.

Однако слова тетки тоже были ему близки и имели под собой крепкую основу. Шах, повелитель всех правоверных, должен как можно больше отдыхать, ибо он есть символ власти, а все дела могут решать его родственники, среди которых в делах политики она наиболее опытный человек. И что особо впечатляло повелителя Персии в такие моменты, что тетку поддерживали все самые высокопоставленные чиновники государства, высочайший меджлис. Если они говорят, что слова Марьям Бегум есть истина, возможно, она права? Ибо всем известно, что не могут ошибаться такие люди, как мудрейший великий везир, его помощник меджлис-невис, верховный гражданский судья диван беги, казначей мустоуфи ал-мамалик, начальник гвардейского корпуса курчиев и феодального ополчения кызылбашей курчи-баши, начальник другого гвардейского корпуса туфенгчи-агасы, главнокомандующий всех войск сипахсалар-и кулл-и Иран и церемониймейстер эшйк-агасы-башы.

Тетка и борец за веру продолжали свой спор около полу-

часа. От этого у шаха разболелась голова и, не выдержав боли, Солтан Хусейн сорвался.

– Тихо! – громко сказал он, и когда голоса Махаммад Бакир Маджлиси и Марьям Бегум затихли, шах огласил свою волю: – Отныне, всеми делами государства занимается моя любимая и драгоценная тетя, дочь великого Сефи Первого, сиятельная Марьям Бегум. Так будет очень хорошо! Я так решил!

– Да будет все по воле твоей!

Голоса участников высочайшего меджлиса эхом разнеслись по тронному залу. Довольный собой и своей твердостью шах покинул дворец и отправился в сад. Посрамленный священнослужитель направился на выход, и на место Солтана Хусейна, небольшой золотой трон, присела его тетка, пожилая и очень полная женщина с маленькими заплаканными глазками, которые внимательно следили за каждым государственным деятелем в огромном помещении.

– По воле шаха, всеми делами занимаюсь я, – сказала Марьям Бегум и спросила: – Все слышали это?

– Да-а-а! – снова одновременно ответили чиновники.

– Тогда, я жду доклада от великого везира.

Вперед выступил благообразный шестидесятилетний мужчина с огромной белоснежной бородой. Он поклонился управительнице государства и заговорил:

– О, великолепная Марьям Бегум. Мы сильны и непобедимы, народ благоденствует, доходы шаха растут, армия всем

довольна и земля правоверных живет в радости. Однако, – на несколько секунд везир прервался, обозначил значимость своих следующих слов, и продолжил: – имеются некоторые проблемы. Самая главная из них это восстание беглербега афганского племени Гильзаи Мир Вейса. Покоренные дикари восстали, захватили город Канда-хар (Кандагар), перебили наших воинов и отказались признавать власть сиятельного шаха Солтан Хусейна. Без сомнения, восстание будет подавлено, бунтовщики казнены, а голову проклятого предателя Мир Вейса привезут в мешке и кинут под ноги нашего великого повелителя. Но для этого потребуется время.

– Хорошо, – женщина кивнула, и толстые складки второго и третьего подбородков вздрогнули. – Теперь я желаю знать, что творится в Азербайджане и Эль-Борзе?

Везир сжался, поскольку не ожидал этого вопроса. Но он был опытным царедворцем, поэтому смог быстро собраться и ответил:

– Точных сведений пока нет, а слухам верить не стоит.

– И все же, что говорят люди? Я настаиваю на честном ответе.

– На нас напали казаки и астраханцы, великолепная Марьям Бегум. Разрушены Астара и Ардебиль, Анзали и Мурд-Аб, а так же порт Гез. Погибло множество людей, воинов и чиновников. Ограблены купцы и склады, а наши войска были разбиты везде, где они вступили в бой с этими треклятыми степняками и русскими варварами.

Марьям Бегум не кричала и не топала ногами. Эта умная и хитрая женщина, внешне оставалась спокойной, но каждый из находящихся в тронном зале людей чувствовал, что она в бешенстве.

– Можно понять разгром наших войск, которые считаются непобедимыми. Вполне допустимо разграбление богатых приморских городов – всякое бывает. Но как допустили разрушение славного Ардебилля, города, с которого началось восхождение династии Сефевидов, личного шахского дома, где стоит принадлежащий царской семье великолепный дворец? Почему так случилось, везир?

– Враги оказались сильнее, чем мы предполагали, а наших войск на Кавказе явно недостаточно, чтобы их отбить.

– Немедленно отправьте в Азербайджан наших лучших воинов и самых талантливых полководцев. Сипахсалар-и кулл-и Иран проследите за этим.

– Буду стараться, сиятельная.

Главнокомандующий поклонился, а тетка шаха задала следующий вопрос:

– Что творится в других местах?

– Сунниты готовят восстание. Армяне и грузины волнуются, и вновь посылают гонцов в Турцию и Россию. Казикумыки собираются с силами и зарятся на Шемаху. А в заливе Ормузд беснуются арабские пираты.

Правительница продолжала спрашивать везира о делах государства, а затем разговора удостоились остальные засе-

датели высочайшего меджлиса. И чем больше она с ними общалась, тем больше убеждалась, что положение Сефевидского государства не просто тяжелое, а почти катастрофическое. Женщина делала что могла, отдавала приказы, угрожала, настаивала, требовала и призывала собраться с силами. Однако закончился этот совет тем, чем и должен был.

За поддержку перед шахом Марьям-Бегун обещала всему меджлису дополнительные тиулы (земли для кормления) и теперь выполняла свои обязательства. Кому-то, как самому слабому и наименее влиятельному, доставались три-четыре крупные деревни, а другим, тому же самому великому везиру, например, город с рудниками железа. И пока все это происходило, совершенно счастливый шах Солтан Хусейн возлежал на большом ковре в тени огромного граба, самого мощного дерева в его любимом саду. Он пил сладкое вино, которое ему привозили из далекой Португалии, размышлял о вечном и ожидал прихода присланных ему в подарок правителем Белуджистана двух новых пышнотелых наложниц. Для него в Персии все было хорошо, так же как при прежних правителях, и эта стабильность не могла не радовать повелителя миллионов людей.

Астрахань. 20-21.09.1709.

Весь поход нам сопутствовала удача. Дележ городской казны прошел без эксцессов и взаимных упреков, хотя я к ним был готов. Затем мы вовремя погрузили большую часть награбленного добра на свои и трофейные суда. И как нельзя кстати покинули горящий Гез и успели выйти в море буквально за двадцать минут до появления солдат из Астрабада, которые могли обстрелять нас из пушек. После этого эскадра быстро достигла Астрахани и вошла в его порт до начала сезона штормов, и что еще более важно, за двое суток до возвращения из Ардебилля основной астраханско-казацкой армии.

Можно задать резонный вопрос, а причем тут возвращение основных сил под командованием Кумшацкого и то, что наша флотилия вернулась раньше? А притом, что мы и они шли к родным берегам с победой, а значит, с добычей, и вот здесь, кто первым с купцами торговался, тот наибольшую прибыль и поимел. Харько Нечос и я это сразу сообразили, а вот Гаврюша Старченка нет, и вместо того чтобы делом заняться, отмечая успех, загулял, и потому понес убытки. Впрочем, это его проблемы, а о себе расскажу по порядку.

В Астрахани наша эскадра появилась восемнадцатого сентября, и встретили нас как героев, ибо каждый горожанин

мог видеть, что мы в походе преуспели. Груженные добычей суда, восемь расшив и восемь бусов, пристали к берегу, и из этих плавсредств моими были одна расшива и два торговых судна. Для молодого атамана ватажников этот огромный успех. И под приветственные крики собравшихся в порту астраханцев, казаки и люди Старченки сходят на берег, а потом, получив на руки немного денег, отправляются гулять. Однако меня это не касается, и вместе с десятком людей, своими односумами, десятниками и помощниками, я остаюсь на расшиве и жду местных купцов.

Тороватые предприимчивые люди не промедлили и, торопясь опередить своих конкурентов, один за другим помчались на причалы. Понятно, что в торговле мои познания пока не очень велики. Но я слышал, что взят Ардебиль и вскоре армия Кумшацкого вернется к родным берегам. Поэтому, исходя из доступной информации, принимал за хабар цену, которую предлагали торговцы. При этом мои заместители Борисов и Рубцов были не согласны с таким подходом, но я был твердо убежден в правильности своих действий, смог настоять на своем и потому не прогадал.

Двое суток я сидел на самом большом трофейном бусе и в треть, а то и в четверть цены, за наличку скидывал дуван. Например, семьсот рулонов кутни ушли за семьсот пятьдесят рублей. Золотую, серебряную и фаянсовую посуду, набитую в девять объемных джутовых мешков, отдал за шестьсот восемьдесят рублей. Кипы шелка сырца, рулоны шагреновой

кожи, сафьяна и шелка за пятьсот рублей. Ковры и дорогую одежду сбавил за триста. Краски, которые умели очень хорошо делать и производить в Персии, обошлись купцам еще в четыреста двадцать рублей. А всякие иные дорогие мелочи, оружие, украшения и драгоценные камни остались при мне. На оружие имеется задумка, а на камни в Астрахани цены нет, и отдавать их за десятую часть истинной стоимости я посчитал глупостью. Благо, товар этот легкий и много места не занимает.

И вот, только я проводил последних гостей, которые забрали сами трофейные суда вместе с персидской командой, за один дали сто пятьдесят рублей, а за другой двести, как на горизонте появились многочисленные паруса. Это возвращались астраханцы и донские казаки. И поняв, что мне очень вовремя удалось сбыть весь свой товар, я с огромным облегчением вытер со лба трудовой пот. Затем сошел с уже ставшего чужим буса на причал, и рядом с собой увидел Харько Нечоса, который смотрел на приближающийся флот и счастливо улыбался.

– Как дела, атаман? – спросил я Харько.

– Неплохо, атаман, – ответил он и кивнул на бус, за моей спиной. – Избавился?

– Да.

– Удачно.

– Это точно. Сейчас Кумшацкий причалит, и вся торговля рухнет, как ее и не было.

– Угу, – согласился Нечос и предложил: – Пройдемся, погуларим?

– Давай. Пока народ не набежал, время имеется.

Мы встали плечом к плечу, неспешно двинулись по причалу и запорожец поинтересовался:

– Какие планы на весну?

– Ну, – сделав вид, что задумался, я потянул время и ответил: – думаю, что война продолжится. Поэтому зиму проведу в Черкасске, а по весне дополнительно наберу людей, возьму еще две расшивы и снова в море выйду. Что это, один краткий поход? Добычу и славу получили, а с басурманами толком и не повоевали, да и рубли имеют свойство быстро заканчиваться.

– Я тоже так считаю, и хотел бы, чтобы весной ты снова вместе со мной пошел.

– Лично я не против, но чтобы без людей Старченки, и вообще без разбойников, хоть чьих. Если идем вместе, только с теми, кто подчиняется нам без всяких условий и в бою крепко стоит.

– Так и будет.

Мы с Нечосом ударили по рукам, и я подтвердил:

– Договорились. Встречаемся в Черкасске.

– Середина февраля пойдет?

– Отлично.

Больше в этом году мы с запорожским атаманом не виделись. Он перетянул свои расшивы на другой причал, а моя

осталась на месте, благо, никому особо не мешала и места занимала немного.

Нечос ушел, а я остался наблюдать за прибытием нашего победоносного флота. А когда толпа встречающих людей и вернувшихся с огромнейшей добычей казаков и солдат схлынула, я поднялся к себе на борт и погрузился в мир цифр. Предстояла дележка дувана, и во всех расчетах требовалось соблюсти максимальную точность. А то случалось такое, что за неумение считать деньги, атаман терял уважение среди казаков, и это почти всегда приводило к концу его карьерного роста.

В общем, я присел под закрытый навес, облокотился на мешок денег, взял перо, чернила, лист не очень хорошей персидской бумаги, и приступил к общему подсчету имеющихся у нас средств. За всю добычу, исключая драгоценности и оружие, наша ватага выручила три тысячи рублей. Минус триста рубликов на припасы и сотню за расшиву. Остается две тысячи шестьсот рубликов. Понимаю, что где-нибудь в столице России, наш дуван ушел бы за двадцать пять тысяч. Но где та Москва, а где Астрахань? Так что надо радоваться тому, что имеется, и быть довольным. И хочется сказать, я доволен. Тем более, что имеется десять мешков серебряных персидских абасси, а чтобы внести ясность, какова стоимость этой монеты, приведу некоторые сравнения. Один абасси – это двадцать копеек, соответственно, один рубль стоит пять абасси. В каждом мешке один туман – ровно две

тысячи пятьсот монет без всякого обмана, и получается, что у меня двадцать пять тысяч абасси, в переводе на привычные расклады – пять тысяч рублей. Plusуем деньги астраханских купцов-перекупщиков и персидскую монету, и в итоге выходит семь тысяч шестьсот рублей. Царь Петр, помнится, на все Войско Донское выделял двадцать тысяч в год, а тут три восьмых от этой суммы на восемьдесят человек, включая погибших казаков и матросов расшивы. Как ни посмотри, а круто выходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.